РОВЕСНИК

Ровесник
ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР
Июль, 1977 год, № 7

На первой странице обложки: победитель физической Олимпиады — восемнадцатилетний польский школьник Анджей Смоларский. В народной Польше для молодежи, которая составляет почти половину населения страны, открыты широкие перспективы для творчества, совершенствования знаний и профессионального мастерства.

ЛЕНИНСКАЯ ПОЛИТИКА МИРА, БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВА — ОДНО ИЗ ПРИНЦИПИАЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ПРОЕКТА КОНСТИТУЦИИ СССР — В ДЕЙСТВИИ:

— Интервью с заместителем министра внешней торговли СССР; очерк о работе Онежского тракторного завода.

— Интервью с почетными гостями Международного детского фестиваля.

Выступление товарища М. А. СУСЛОВА

Товарищи депутаты!

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Советы Старейшин Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета вносят на ваше рассмотрение предложение об избрании Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева Председателем Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. **(Бурные, долго не смолкающие аплодисменты. Все встают.)**

Пленум ЦК, состоявшийся 24 мая, при полном единодушии признал целесообразным, чтобы Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев одновременно занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Выступившие на Пленуме ЦК товарищи всесторонне обосновали правильность такого решения.

Вся наша партия и весь советский народ знают Леонида Ильича Брежнева как выдающегося деятеля нашей партии, Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения.

Свой замечательный талант организатора, дальновидного политика, деятеля ленинского типа, всю свою жизнь Леонид Ильич Брежнев отдает беззаветному служению рабочему классу, крестьянству, интеллигенции, постоянной заботе об улучшении жизни народа, великому делу строительства коммунизма. Леонид Ильич пользуется безграничным доверием и любовью нашей партии и советского народа. **(Продолжительные аплодисменты.)**

Своей неутомимой борьбой за разрядку международной напряженности, за прочный мир и социальный прогресс Леонид Ильич снискал огромный авторитет и уважение среди всех честных людей мира. Он достойно представляет нашу партию, весь советский народ, наше великое социалистическое государство на мировой арене. И знаменательно, что под международными документами, имеющими жизненное значение не только для нашей страны, но и для разрядки международной напряженности и упрочения дела мира, стоят подписи Л. И. Брежнева. **(Продолжительные аплодисменты.)**

Возрастание руководящей и направляющей роли Коммунистической партии во всей жизни страны, внутренней и внешнеполитической деятельности Советского государства и выдающиеся личные качества, и самоотверженный труд Леонида Ильича Брежнева на благо Родины, естественно, привели к тому, что уже в течение многих лет товарищ Брежнев фактически выступает и перед лицом нашего народа, и перед лицом всего мира как самый авторитетный представитель Коммунистической партии и Советского социалистического государства. **(Продолжительные аплодисменты.)**

Избрание Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Брежнева Леонида Ильича на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР отвечает высшим интересам советского общества и государства и будет способствовать новым успехам в выполнении исторических решений XXV съезда КПСС, новым успехам в строительстве коммунизма. **(Продолжительные аплодисменты.)**

Позвольте, товарищи депутаты, внести на ваше рассмотрение следующий проект постановления Верховного Совета СССР.

«Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик **постановляет:**

Избрать товарища Брежнева Леонида Ильича Председателем Президиума Верховного Совета СССР». **(Бурные, продолжительные аплодисменты.)**

Выступление товарища Л. И. БРЕЖНЕВА

Товарищи депутаты!

Прежде всего мне хотелось бы выразить глубокую благодарность вам, представителям советского народа в высшем органе нашего государства, за оказанное мне большое доверие: вторичное избрание меня Председателем Президиума Верховного Совета СССР. **(Продолжительные аплодисменты.)**

Исполнение связанных с этим высоких и ответственных государственных обязанностей наряду с обязанностями Генерального секретаря ЦК нашей партии дело, конечно, не легкое. Но воля партии, воля советского народа, интересы нашего социалистического Отечества всегда были для меня высшим законом, которому я подчинял и подчиняю всю свою жизнь. **(Продолжительные аплодисменты.)**

И сейчас, принимая это новое поручение Родины, я хочу заверить вас, дорогие товарищи, что постараюсь быть достойным доверия народа. **(Продолжительные аплодисменты.)** Заверяю вас, что отдам все свои силы во имя достижения великих целей, которые поставили перед собою партия и народ на историческом пути, ведущем к коммунизму. **(Продолжительные аплодисменты.)** Буду делать все от меня зависящее, чтобы любимая страна наша крепла и процветала, чтобы жизнь советских людей все больше улучшалась, чтобы укреплялся мир на земле и развивалось доброе сотрудничество между народами. **(Продолжительные аплодисменты.)**

Еще раз большое спасибо, товарищи. **(Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают.)**

Постановление Верховного Совета СССР

Об избрании товарища Брежнева Л. И. Председателем Президиума Верховного Совета СССР

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик **постановляет:**
Избрать товарища **Брежнева** Леонида Ильича Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР
С. НИЯЗБЕКОВ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ

Москва, Кремль. 16 июня 1977 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ДЕТСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ
„ПУСТЬ ВСЕГДА
БУДЕТ СОЛНЦЕ!"

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОЛГ ГРАЖДАНИНА СССР — СОДЕЙСТВОВАТЬ РАЗВИТИЮ ДРУЖБЫ И СОТРУДНИЧЕСТВА С НАРОДАМИ ДРУГИХ СТРАН, ПОДДЕРЖАНИЮ И УКРЕПЛЕНИЮ ВСЕОБЩЕГО МИРА.

Из проекта Конституции СССР

18 июля в Москве соберутся те, кого у нас в стране принято называть «привилегированным классом». «Класс» приедет, покинув настоящие школьные классы, которые, как и сами ребята, мало похожи друг на друга.

Казалось бы, что может быть стандартнее, чем казенное помещение? Но нет, хорошо отлакированный журнал «Америка» сообщает, что в одном из городов США выстроена удивительная школа без стен — настолько идеальна там звукоизоляция, а только в одном Нью-Йорке, это уже сообщает другого рода пресса, в прошлом году из-за финансовых трудностей остались закрытыми на замок 37 школ (есть и такие — совсем уж закрытого типа школы!); есть школы — к примеру, на земле Анголы — под открытым небом: не было ведь пока ни времени, ни средств у молодой страны построить помещения для всех своих детей, но есть твердое желание не оставить их без образования и шанса на достойную жизнь; и есть школы — к примеру, в Англии, где дети, просидев десяток лет за партой, остаются неграмотными; есть новые школы на юге социалистического Вьетнама, где в прошлом году в классы вошло 5 миллионов детей, и нет школ и не будет, по ученым выкладкам, до 1981 года для тысяч бразильских детей...

«Все лучшее — детям!» — такой завет оставил нам Ленин, и наша страна свято его выполняла даже в те годы, когда и хорошего хлеба-то не было. И еще один великий ленинский завет был для нас священен — бороться за мир, отстаивать мир! Программа дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов, выдвинутая XXV съездом нашей партии, практические шаги по ее выполнению — еще одно свидетельство того, что заветы вождя успешно выполняются и сегодня.

Мальчишки любят играть в войну; это веселые игры. Но не бывать ни веселью, ни играм, ни самим мальчишкам и девчонкам, если в войну атомную позволят «играть» маньякам. В наши дни эта простая истина потеряла холодность и отвлеченность логического построения; сегодня она движет поступками миллионов людей, поддерживающих политику мира. Выступая на XVII съезде ВЛКСМ, который, кстати, и выдвинул предложение о проведении Международного детского фестиваля, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев говорил:

«Внешнеполитический курс нашего государства называют мирным наступлением. И пожалуй, с этим можно согласиться... Мы будем продолжать это самое благородное наступление во имя жизни на земле, во имя счастья наших детей, во имя настоящего и будущего человечества».

В Москве и «Артеке» соберутся дети со всех континентов. Они будут говорить о настоящем: сегодня в мире 1,5 миллиарда детей; 10 миллионов из них обречены на смерть из-за недоедания; лишь 115 из 373 млн. детей школьного возраста учатся; более 40 млн. — заняты низкооплачиваемым трудом... Они будут говорить о будущем — о мире и справедливости...

СЛОВО ПОЧЕТНЫМ ГОСТЯМ ФЕСТИВАЛЯ ►

БЕНДЖАМИН СПОК: ОНИ БУДУТ УПРАВЛЯТЬ МИРОМ

Мы попросили корреспондента ТАСС в Нью-Йорке В. Байдашина связаться с Бенджамином Споком — мы узнали, что доктор Спок одним из первых приглашенных на фестиваль зарубежных почетных гостей дал согласие приехать в Москву. Имя «доктор Спок», как «доктор Айболит», «доктор Дулитл», знают миллионы детей и взрослых во всем мире; все же напомним: доктор Бенджамин Спок — американский педиатр, публицист, его книга «Ребенок и уход за ним» переведена на многие языки (в том числе и на русский). Его система воспитания детей оказала столь значительное влияние на американское сознание, что несколько поколений молодых американцев получили имя в честь их общего доктора и наставника — «споковские дети». Напомним, наконец, что доктор Спок — активный участник антивоенного движения.

Я долго искал его — Спока знают в Америке все, но где он живет? Наконец, выяснил: в маленьком городке, в штате Аризона, и попасть к доктору «на прием» будет нелегко. Доктор Спок — это доктор Спок, и, если он будет допускать к себе всех желающих поговорить с ним журналистов, ему просто некогда будет заниматься своим делом — лечить детей. Но мне обещали передать ему мою просьбу — сказать несколько слов участникам Международного детского фестиваля «Пусть всегда будет солнце!», ответив на вопросы «Ровесника». Вопросы: «Какие проблемы стоят перед взрослыми, думающими о воспитании детей?» и «Каково участие детей в делах и проблемах взрослых?»

Через неделю мне позвонил доктор Спок, извинился — написать не сможет, улетает по делам в Канаду, поэтому даст короткий ответ по телефону. Вот что он сказал.

Мы часто забываем, когда растим своих детей, что они будут управлять миром через несколько лет.

Если мы хотим, чтобы они проявляли заботу о нашей планете, особенно о центральной ее проблеме — проблеме мира, мы просто должны говорить с ними на эту тему дома. Поскольку дети познают больше и глубже путем подражания, через игры «во взрослых», чем при намеренном обучении, то очень полезно для них присутствовать при том, когда их родители обсуждают эти проблемы между собой.

Иногда все происходит наоборот, и родители получают урок познания у своих детей. В Америке во время оппозиции вьетнамской войне были родители, которые считали, что эта война совершенно их не касается, потому что она очень от них далека. Однако их дети вышли на улицы городов с резким, горьким протестом против вьетнамской войны и научили своих родителей тоже противостоять ей.

Возвратившись из Канады, доктор Спок снова позвонил мне, опять извинился и сказал, что во время фестиваля — а он обязательно на него приедет — он с удовольствием даст более пространное интервью «Ровеснику». А если это сказал доктор Спок, значит, так и будет. Потому что книга его «Ребенок и уход за ним» о том, что нельзя обманывать даже самых маленьких и несмышленых; о том, что взрослые должны доверять детям, чтобы дети верили им.

АГНИЯ БАРТО: ВЗРОСЛЫЕ ДОЛЖНЫ ИЗБАВИТЬ ДЕТЕЙ ОТ ВОЙН

Агния Львовна Барто живет в Москве, но, когда мы позвонили ей — с просьбой ответить на вопросы «Ровесника», — выяснилось, что она уезжает в Ленинград, а потом во Владимир, и вообще у нее много дел... Что удивительного? Кроме того, что Агния Барто член правления Союза писателей СССР, РСФСР и Московской писательской организации, она еще и президент Ассоциации деятелей литературы и искусства для детей при Союзе советских обществ дружбы. И главное, она — поэт. И дело поэта — писать стихи. (Про то, какие стихи Агния Барто пишет, читателям рассказывать не надо — они все на них выросли.)

Агния Львовна, однако, согласилась встретиться с нашим корреспондентом К. Кошмаревым в Ленинграде — на празднике Дворца пионеров Выборгского района. Праздник назывался «Наш друг — Барто».

Агния Львовна Барто пришла за пятнадцать минут до начала праздника; улыбаясь и смотря на детей хитрыми рыжими глазами, она прошла через фойе, где танцевали и били в забытый кем-то барабан мальчики в расшитых куртках и тонконогие девочки в балетных платьях, и исчезла в кабинете директора.

«Это она, она!» — зашептали дети, а девочка с пестрым китайским зонтиком заметила: «У-у, какая молодая!»

Три трубача из пятого класса протрубили «внимание»; зал, к этому времени уже полный детьми, затих, и праздник начался.

Дети ждали Агнию Барто, а пока что ели конфеты и шуршали фантиками.

(В 1937 году Агния Барто вместе с Алексеем Толстым, Всеволодом Вишневским, Михаилом Кольцовым была в Испании, на втором Международном конгрессе писателей в защиту культуры.

По дороге в Мадрид поезд проехал Варшаву — немецкая авиация не превратила Варшаву в щебень и пыль — проехал Париж — в Париже еще танцевали — проехал Берлин.

На перроне берлинского вокзала Агния Барто, детский поэт, увидела аккуратную, хорошенькую немецкую девочку. Девочка была одета в белую блузку и синюю юбку. На рукаве у девочки была повязка со свастикой.

В Мадриде уже не танцевали, и целые кварталы уже превратились в щебень и пыль.

НАД ВСЕЙ ИСПАНИЕЙ БЕЗОБЛАЧНОЕ НЕБО, погода, значит, была летняя, и казалось, что над каждым домом, над каждой проселочной дорогой, над каждой площадью в каждом городке висит с осиным гулом самолет со свастикой на крыльях.

Агния Барто спросила испанку с двумя детьми: «Почему вы не уводите детей?» Испанка ответила: «Куда я их уведу? Убить везде могут».)

Агния Барто вошла на сцену спокойно, как входят в детскую, и Агния Барто знала тайну, как читать стихи и рассказывать разные истории, чтобы их все услышали, даже если каждый из двухсот детей ест конфету и шуршит фантиком.

В конце своего выступления Агния Барто знала тайну, как читать стихи вместе.

— Наша Таня громко... — начинала Агния Барто ровно и спокойно.

— ...плачет! — восторженно кричали в зале.

— Уронила в речку... — продолжала Агния Барто немного грустно, чтобы дети поняли, как невесело ронять мячики в реку.

— ...мячик! — ревел, пищал, притоптывал зал.

После праздника в комнате, где стены были заклеены пестрыми афишами, Агния Барто ответила на вопросы, ко-

торые задал ей ваш корреспондент; те же самые вопросы, что были заданы доктору Споку.

Давайте повернем вопрос так: каково место детей в мире взрослых и место взрослых в мире детей?

Ну, прежде всего, пусть взрослые воспитывают детей, но не подавляют их. (В нашем доме одно время висел даже шуточный призыв: «Не дави!») Пусть дети не осознают мир взрослых как что-то чужое и враждебное — они не должны бояться его и уходить от него.

Конечно, дело взрослых — защитить детей от войн, от насилия, от несправедливости — думаю, что к этому стремятся все прогрессивные взрослые люди во всех странах мира. Вот, например, доктор Спок — разве можно отделить его деятельность от той борьбы, которую он вел против войны во Вьетнаме?..

Казалось бы, независимо от своего социального устройства каждое государство должно растить детей в духе человечности, гуманности. К сожалению, во многих странах сегодня учат детей иному. Вот сейчас на Западе распространены бесчисленные гангстерские истории; одна из их героинь — неуловимая гигантская обезьяна, которая терроризирует город, похищает и душит людей. Чему научат ребенка книжонки или передачи по телевидению, если герои их то и дело стреляют, преследуют и безнаказанно убивают друг друга?.. Когда вокруг ребенка насилие, он начинает считать его нормой и сам становится носителем насилия...

Один из моих зарубежных коллег как-то спросил: «А нужно ли современным детям говорить о войне?» На мой взгляд, без такого разговора не обойтись, ведь, пожалуй, именно дети, подчас дольше всех, в течение многих лет, страдают после войн. Могла я убедиться в этом, когда вела радиопередачу «Найти человека»: мы разыскивали детей и родителей, братьев и сестер, разлученных войной. Розыски эти велись в течение девяти лет — без всяких точных данных, по воспоминаниям детства. В радиокомитет приходили тысячи и тысячи писем от тех, кто потерялся маленьким во время бомбежек, спешной эвакуации. Эти дети часто не знали не только своей настоящей фамилии, но иногда после всего пережитого забывали даже свое имя. Благодаря отзывчивости, сердечности множества советских людей, помогавших передаче, удалось соединить больше тысячи семей, разлученных войной.

Теперь о другом. Несколько слов о поэзии.

Иностранные писатели нередко удивляются:

— Почему у вас дети так любят стихи?

И добавляют:

— Наши к стихам равнодушны.

— Все дети любят стихи, — утверждаем мы. И там, где уделяется заинтересованное внимание росту и изданию детской поэзии, она признана своими читателями и горячо любима. А в тех странах, где детских поэтов не печатают, они, видимо, вынуждены уходить в другие жанры. И развитие детской поэзии тормозится, или этот жанр отмирает совсем.

А на мой взгляд, в идейно-нравственном и гражданском воспитании человека роль детской поэзии огромна. Ведь в первые годы жизни именно поэзия, ее гуманность, призывность, душевность безотказно воздействуют и овладевают умом и чувствами ребенка.

Вот недавно, наверное под влиянием прочитанных стихов семилетний школьник прислал мне собственное произведение о несбывшейся цели его жизни:

Не получилась моя программа:
Жить, не врать, говорить прямо.

Давно я собираю стихи детей разных стран. Они примитивны по форме, но в них есть подлинная непосредственность и, главное, живая мысль и чувство. Нередко в наши дни чувства детей остросовременны. Как-то в Хельсинки обратилась я к финским пятиклассникам с вопросом: «Пишет ли кто-нибудь из вас стихи?» В ответ ни один голос не раздался. Финские дети вообще стеснительные, у них «северный характер». Но я

заметила, что одна из пятиклассниц покраснела — выдала себя. И хотя некоторые родители и учителя говорили мне, что финские дети стихов не пишут, после встреч с детьми разных возрастов я увезла с собой в Москву из одной только школы 57 стихотворений на финском языке, причем учащиеся сами перевели их на русский (в этой школе с первых классов преподают русский язык). Темы некоторых стихотворений меня поразили: тринадцатилетняя школьница написала о черной железной птице войны, с которой борется белый голубь мира. Много написано о голубе мира. Но по-детски свежо и в то же время мудро звучат стихи девочки.

У этой же девочки есть четыре строчки про любовь. Они непосредственны и выразительны даже в подстрочнике:

Любовь — это такое чувство,
Когда чувствуешь такое чувство,
Такое чувство, которого
Раньше не чувствовал.

В одной библиотеке в Париже двенадцати-тринадцатилетние читатели в своем библиотечном журнале задали сами себе такой вопрос: «Что мы думаем о двухтысячном годе?» В ответах некоторых из них тревога: «А уцелеет ли наш город к двухтысячному году? Ведь все больше становится бомб!»

Вот видите, юные парижане думают о войне... И одна девочка так написала: «Пусть лучше тогда двухтысячный год совсем не приходит!» (Мысли французских детей послужили мне темой для стихотворения «В саду Тюильри».)

Сложен внутренний мир современного ребенка. Я вспоминаю еще одно стихотворение из финско-русской школы. Называется оно «Дорогой папа» (я привожу его таким, каким оно было в подстрочнике):

Вот я гуляю в Луна-парке
В обнимку с парнем,
С папиросой в зубах,
И мне совсем невесело.
Дорогой папа,
Приходи за мной
И верни меня в то время,
Когда дом
Был для меня
Лучшим местом в мире.

Те искренние, но подчас трудные, сложные чувства, которые дети высказывают в собственных стихах, обязывают нас еще осторожнее прикасаться и глубже вникать в их мир. И хотелось бы больше радовать их! Больше и, если можно так сказать, крупнее.

Думается, что незабываемой радостью современного детства, радостью реальной и волшебной, станет международный фестиваль «Пусть всегда будет солнце!».

Я не отличаюсь восторженностью, но самый замысел такой встречи кажется мне глубоко волнующим, символичным.

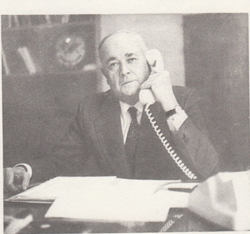
Две тысячи детей приедут из-за рубежа — из Чили, Вьетнама, Лаоса, арабских стран, стран Африки, Латинской Америки, Азии, капиталистических стран — и встретятся с тысячами советских ребят в Москве и в «Артеке» на просторе, у моря. На каком языке они будут общаться? На языке искусства: песни, танца, музыки. И просто на детском языке: будут бегать, прыгать, кувыркаться, хлопать в ладоши, хохотать.

В разнообразной программе игр, путешествий, дней искусства, спорта и туризма, конкурсов, викторин и других веселых дел вдруг читаешь: «Шествие «Нет войне!». Это волнующе и тревожно, но, пожалуй, сегодня это необходимо! Пусть стремление защищать мир станет потребностью каждой юной души. В какой-то мере это тоже приближение детей к миру взрослых.

Представляю себе, сколько стихов на разных языках будет написано детьми в «Артеке» — о новых, самых неожиданных впечатлениях и встречах, о радостях, которые принесет им этот прекрасный праздник. Их радостями, наверное, будут жить и взрослые гости фестиваля. Детская дружба утеплит и дружбу взрослых, которую мы привыкли называть деловым словом «контакты».

ТОРГОВЛЯ КАК УСКОРИТЕЛЬ РАЗВИТИЯ

Наш корреспондент беседует с заместителем министра внешней торговли СССР Алексеем Николаевичем Манжуло

— Алексей Николаевич, если вы не возражаете, давайте начнем наш разговор с роли внешней торговли в общем развитии экономики страны.

— В развитии производительных сил Советский Союз опирается прежде всего на свои собственные ресурсы и возможности: на природные запасы топлива, сырья и других полезных ископаемых, на наличие многоотраслевой мощной промышленности и развитого сельского хозяйства, на выдающиеся достижения советской науки и техники, на наличие квалифицированных кадров, самоотверженный труд советского народа. Вместе с тем с первых дней своего существования Советское государство выступает за развитие экономических отношений с другими странами. Этот курс был выработан В. И. Лениным и неуклонно претворяется в жизнь.

Видите ли, рациональное участие в международном разделении труда, особенно в наши дни, является объективной потребностью для всех стран независимо от уровня их экономического развития и социального строя. Такое разделение стало важным средством экономии общественного труда, необходимым условием ускорения научно-технического прогресса и развития производительных сил.

Важная роль внешнеэкономических связей была особо подчеркнута товарищем Л. И. Брежневым в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии. «Мы видим во внешнеэкономических связях, — сказал товарищ Л. И. Брежнев, — эффективное средство, способствующее решению и политических, и экономических задач. На путях экономической интеграции укрепляются мощь и сплоченность содружества стран социализма. Сотрудничество с развивающимися странами облегчает переустройку их экономики и общественной жизни на прогрессивных началах. Наконец, экономические и научно-технические связи с капиталистическими государствами упрочивают и расширяют материальную базу политики мирного сосуществования».

— Алексей Николаевич, вы, как заместитель министра внешней торговли, смотрите на внешнюю торговлю через призму больших цифр товарооборота, номенклатуры, контрактов и т. д. Но как и каждый гражданин, вы, вероятно, сталкиваетесь с ней и в частной жизни. Не так ли?

— Разумеется. Сегодня каждый гражданин нашего государства повседневно видит зримые результаты внешнеэкономических отношений, связывающих современный мир. Работая, скажем, на промышленном предприятии, он, как правило, производит продукцию, предназначенную не только для внутреннего, но и для внешнего рынка. При этом он нередко стоит за станком заграничной марки, использует в своей работе импортные материалы, инструменты, приборы. Он приходит в магазин, чтобы купить продукты или промышленные товары, и почти наверняка среди его покупок окажутся и привезенные из-за рубежа. Внешняя торговля приобрела большое народнохозяйственное значение, вошла в наш быт.

Если же говорить об объеме внешней торговли страны, то вспомним, что в настоящее время Советский Союз торгует со 117 странами мира, в том числе 13 социалистическими, 78 развивающимися и 26 промышленно развитыми странами. Общий товарооборот составил в 1976 году 57 миллиардов рублей.

Нужно сказать, что страны — члены СЭВ занимают в нашей торговле первые места. Чтобы представить годовой объем товарооборота, назову такие цифры: ГДР — 6 миллиардов рублей, ПНР — 5,2 миллиарда рублей.

Непосредственно заключением сделок (контрактов) на покупку и продажу товаров занимаются всесоюзные объединения. Сейчас их более пятидесяти. Среди них важное место занимает и В/О «Тракторoэкспорт», о деятельности которого косвенно говорится в очерке вашего корреспондента. Объем торговли «Тракторoэкспорта», крупнейшего экспортера и импортера тракторов, сельскохозяйственных и дорожностроительных машин, растет из года в год. Если в 1961 году его внешнеторговый оборот составлял 148 миллионов рублей, то в 1976 году превысил 1 миллиард рублей. Значительно расширилась география деловых связей — в 1976 году число стран, с которыми объединение поддерживает деловые отношения, достигло шестидесяти.

Советский Союз, располагающий огромным экономическим и научно-техническим потенциалом, пользуется репутацией крупного поставщика самых различных товаров, и в том числе машин и оборудования: автомобилей, тракторов, станков, авиационной техники, энергетического оборудования, включая атомные электростанции, металлургического, горношахтного, строительного и многих других видов оборудования.

— Пожалуйста, несколько слов о торговле с развивающимися и промышленно развитыми капиталистическими странами.

— На долю этих групп стран приходится соответственно 11,5 и 32,9 процента нашей внешней торговли. Товарооборот с развивающимися странами в значительной мере формируется в результате оказания им Советским Союзом экономического и технического содействия, в оплату которого развивающиеся страны поставляют как товары традиционного национального экспорта, так и продукцию предприятий, построенных при содействии СССР.

Наша страна поставляет развивающимся государствам товары широкой номенклатуры, важнейшими из которых являются машины и оборудование, в том числе оборудование комплектных предприятий тяжелой и других ключевых отраслей промышленности. За прошлый год поставки машин и оборудования в развивающиеся страны составили 916,8 миллиона рублей.

Характер торговли СССР с развивающимися странами показывает, что она не только взаимовыгодна. Она становится действенным инструментом преодоления экономической отсталости и ускорения темпов хозяйственного роста развивающихся стран, укрепления их позиций в мировой торговле и международном разделении труда.

Внешняя торговля является традиционной и наиболее развитой формой экономических отношений Советского Союза с промышленно развитыми капиталистическими странами. В советском экспорте в эти страны растет объем машин и оборудования, значительное место занимают сырьевые товары и полуфабрикаты.

В импорте же СССР из этих стран большую долю занимает промышленное оборудование для строящихся в СССР предприятий различных отраслей промышленности: химической, целлюлозно-бумажной, деревообрабатывающей, автомобильной, пищевой и т. д. В течение прошлого года с фирмами западных стран был заключен ряд новых компенсационных соглашений, предусматривающих создание в СССР таких крупных промышленных объектов, как комплекс по производству алюминия (с французской фирмой «Пешинэ Южин Кюльман») с оплатой поставками во Францию алюминия; завод по производству удобрений (с французской фирмой «Рон-Пуленк») с оплатой поставками во Францию некоторых химических и нефтяных продуктов; комплекс по производству полиэфирных волокон, нитей и сырья для них (с группой западногерманских фирм) с оплатой поставками в ФРГ химических продуктов.

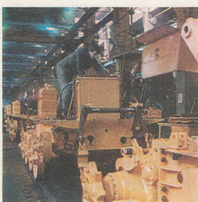
В заключение я хочу подчеркнуть, что работники внешней торговли сознают большую ответственность, которая ложится на них в связи с грандиозными задачами, поставленными XXV съездом партии. Подъем работы в области внешнеэкономических связей будет способствовать дальнейшему росту экономического могущества нашей Родины, повышению ее международного авторитета и укреплению широкого и взаимовыгодного сотрудничества со странами вне зависимости от их общественного строя.

— Благодарим вас за интервью.

ОТНОШЕНИЯ СССР С ДРУГИМИ ГОСУДАРСТВАМИ СТРОЯТСЯ НА ОСНОВЕ СОБЛЮДЕНИЯ ПРИНЦИПОВ ВЗАИМНОГО ОТКАЗА ОТ ПРИМЕНЕНИЯ СИЛЫ ИЛИ УГРОЗЫ СИЛОЙ;.. СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ; ДОБРОСОВЕСТНОГО ВЫПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ ОБЩЕПРИЗНАННЫХ ПРИНЦИПОВ И НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА, ЗАКЛЮЧЕННЫХ СССР МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ.

Из проекта Конституции СССР

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ТРАКТОРУ

Он рождается быстро и без мук — по крайней мере, видимых. Все это время он не шевелится — его шевелят: его ворочает множество людей, они оглаживают его невольными движениями ласки, пригоняя его детали друг к другу; его крутят, колотят, и он еще мертвый и слишком железный, чтобы опасаться этих ударов, они ему даже нужны: его беспокоят со всех сторон гаечными ключами; под него ныряют; на него взбираются; с него прыгают... Он не двигается.

Он вообще еще ни что не способен. Его и втаскивают на конвейер бесформенным куском железа, таким безжизненным, что кажется, он и не оживет никогда. Но сбоку от конвейера толпятся на асфальтовом полу, ожидая своей очереди, чтобы прильнуть к нему, его же собственные детали — давно предназ-

наченные друг для друга. Похоже, они даже скучают по себе подобным, если, конечно, предположить, что железяка с номером (таким-то) может скучать по железяке с номером (другим).

Но все это наконец складывается. Уже есть у бесформенного контура железный щит — на него и лягут комли стволов из неизвестного пока темного леса. Уже пристроен к нему двигатель, который напугает в том лесу птиц. Уже есть на нем кабина (кто в ней будет сидеть?). Заправлены из «кишки» баки. Уже громыхают огромные вязкие гусеницы. Всё.

Неширокие ворота в конце конвейера распахнуты — в них двор и небо. А парень уже взобрался в кабину и глядит пока только назад — вот только выбить последний металлический штырь из траков. Мотор ревет — это впервые случилось с ним. Он даже не знал, что такое с ним может случиться... Да ведь все, собственно.

А между тем его ждут...

Борис Наумович Одлис — директор Онежского тракторного завода: «Ждут в двадцати трех странах. Причем сейчас мы выходим на ряд престижных рынков — например, в Канаду. Кстати, она и сама делает подобные трактора. Только что мы завезли туда около сорока машин. Недавно три трактора ушли в Бангладеш. Скоро пойдут в Лаос. Идут в Испанию, Францию, в Иран, Коста-Рику... Нам двести лет. Это путь от маленького оружейного завода до тракторного. «Мечи на орала», если угодно.

А началось все со старого, по нынешним понятиям, трактора — «сороковки». Было это начало шестидесятых годов. Тогда за рубеж мы начали поставлять сразу и много.

В начале семидесятых мы освоили новый трактор — «пятьдесят пятый». Если сравнить его с нашим первым — не «сороковкой» даже, а с КТ-12, то это земля и небо. Мы, правда, их и не давали на экспорт. Работал тот на чурке — на деревянной. Потом перешли на дизель. Начали с сорока сил, сейчас дошли до семидесяти пяти. Это был путь от гадкого утенка.. Щит без гидропривода, кабина деревянная... А сейчас только в прошлом году введено около сорока изменений. Разумеется, все к лучшему. Жизнь заставляет меняться. Мы уже по-человечески думаем о трактористе. Было бы неправдой, что мы совсем не думали о нем раньше, но так как сейчас... Вряд ли мы думали о нем так раньше. Кабина отделена от рамы — уменьшились вибрация и шум. Есть теплоизоляция — значит, нет перегрева кабины. Меняется все, вплоть до мелочей — до окраски, до мягкой обивки потолка кабины.

За рубежом, правда, больше применяют колесный трактор. Наш гусеничный. Колесный быстрей идет: двадцать — двадцать пять километров в час. Наш — десять. Но из-за проходимости покупают наш. В гористой местности без него не обойтись, на склонах покруче, на каменистых — тоже. Даже в заболоченной местности, где колесный не пролезет, наш идет.

Сюрпризы в сбыте почти не ждут нас. Правда, случается и такое. Мы экспонируем свой трактор на международных выставках, и здесь могут быть неожиданности. Вот только что Югославия заинтересовалась нашим трактором — они как раз и увидели его на выставке. Сейчас наша машина пошла на выставку в Португалию — можно ждать сюрприза. Пошла и в США.

Но это выставки. Обычный же путь на рынок проще и отработанней. Вот как это происходит на капиталистическом рынке. Находится какой-то посредник между нами и фирмами, нуждающимися в тракторах. Этот посредник — фирма-дилер — приобретает наш трактор. Потом предлагает его хорошо известному в своих кругах фермеру. Известность его потом пригодится. Предлагает бесплатно, с одним лишь условием: ту сумму, на которую трактор выполнит работу, фермер обязуется перечислить дилеру. Пока что сам трактор фермер не покупает — он купит его потом, когда он ему понравится и если понравится. Если это случается, вот тут-то и нужна известность фермера — дилер сделает из этой известности рекламу: «Вот что может в хороших руках (имярек) произвести этот трактор...»

К тому же, как только наши машины идут в новую страну, туда же, как правило, выезжает наш человек высокой квалификации. Зачем?»

Игорь Константинович Емельянов — инженер: «В Бразилии я провел в общей сложности полтора года. Все получилось просто. Там были наши проспекты. Их посмотрели. Запросили один трактор. Это небольшая фирма на севере штата Байя. Недалеко от городка Ильёус. Небольшой порт, чуть ли не родина какао. Кстати, именно об этом месте Амаду написал свой роман «Земля золотых плодов». Показывают даже таверну, где он будто бы написал его. По слухам, хозяин таверны не очень доволен своей популярностью — или уж очень его допекают расспросами, или что другое, не знаю. Во всяком случае, этим городок и знаменит.

Леса вокруг мощные, лиственные. По периметру есть деревья и больше пяти метров, но рубят только до пяти, бóльшие не могут пропустить их пилорамы. Рубят топорами. Рабочая сила дешевая. Как правило, впятером и рубят одно дерево. Часа полтора-два рубят. Быстро. Длинные такие топорища... Ловко, в общем, рубят. Хотя древесина не из легких — дуб, джекаранда — черное дерево, фиолетовое дерево. Вся древесина в Бразилии очень цветная: желтая, красная, черная — и очень плотная. Большинство тонет в воде — удельный вес больше единицы. А потом, ведь все это срубленное надо и вывозить. И тяжело это.

Так что им понравилось в нашем тракторе?.. Во-первых, прямо на ферме, еще не выезжая в лес, я для начала засыпал небольшое болотце. Просто как бульдозером. Потом у них там был большой завал древесины — вот этой, огромной, — а расчистить было нечем. Когда я заикнулся, что вот сейчас мы древесину эту и растащим, они так себе, усмехнулись. Действительно, когда посмотришь на эти деревья, то кажется, никакими силами их оттуда не вытащишь. А на нашей лебедке девять тонн усилие, да если еще тащить — огромная сила получается Так что только глазам страшно, а руки делают. Растаскали мы этот завал мигом. И здорово им это понравилось. После этого здесь же, на ферме, им понадобилось переставить станки с одного места на другое. Кажется, они уже входили во вкус. Я показал, что и это можно сделать. У себя-то на заводе мы такие вещи делаем запросто. Сделали. И отправились в лес.

Но тут опять загвоздка. По дороге небольшая речка. Ее вброд обычно переезжали, а тут они говорят: надо бы, мол, мост построить. Ну, я говорю, в принципе как можно сделать: взять штук пять деревьев больших да и уложить их поперек. Потом увязать их тросом — вот тебе и мост. Попробовали. Получился вполне приличный мост. Год спустя, помню, вернулся я в те места — стоит мой мост. И машины по нему ходят и трактора, и кажется, износу ему не будет — только если трос перетрется. Вот это им тоже здорово понравилось. Фирмы небольшие, занимаются всем, чем угодно, — и расчисткой плантаций, и лесозаготовками, — мелких работ много, все разнообразные, и все надо самим. А наш трактор все это как раз и может делать. Своих же тракторов аналогичных у них нет, только сельскохозяйственные — колесные. Есть, правда, и «Катерпиллеры», но те не так удобны, как наши, со щитом, да и не всем они по зубам — дорого стоят. Так что наш выгоден для них, если, конечно, показать им как следует, на что он способен.

Я уж на соседней ферме обучил трактористов и опять заглянул на прежнюю. Гляжу, хорошо работает наш трактор. Только опять случай. Перевернулся трактор. Да и не мог не перевернуться — я сколько им говорил: тащишь пачку леса под углом на склоне, вот тут гляди в оба. В принципе таскать под углом не рекомендуется, но ведь все равно знаешь заранее — может такое случиться — так уж и готовишь ко всякому. А тут я уж со стороны увидел — плохо дело. Он еще и не понимал этого и не чувствовал, а я уж орал ему. «Имбринадже! — кричу. — Имбринадже!! Сцепление выжми!» Какое там! Мотор ревет, ни черта не слышно. Перевернулся он все-таки. А надо же, услышал меня, выжал сцепление... Вылез оттуда. Трактор заглох. Теперь проблема: трактор на косогоре — и на хорошем таком косогоре, на боку. Кран к нему никак не подойдет. Да и где он, тот кран? А у нас уже есть такой карельский опыт. «Вы, ребята, не волнуйтесь! — говорю. — Поправим сейчас дело». Зацепил я трос лебедки за приличный пень, всунулся в кабину. Тут одно опасно: трактор-то на боку — как бы из двигателя все масло не вылилось... Подтянул трос как можно сильней. Еще тут один момент сложный: когда выжимаешь сцепление, а гидравлика не работает, очень уж усилие большое надо — попросту ногой надо упираться что есть мочи. Ну, уперся... Встал-таки на гусеницы... Единственно, заработал я себе небольшую шишку — вот тут. Без каски был. Вот уж это-то не могло не понравиться —как это трактор сам себя может перевернуть? А он может. И вот такие как раз финты очень их и поражают. Они-то думали уже: как сюда кран загнать, где взять его, а во сколько обойдется, а если и тот завалится — и все деньги, деньги, деньги. А тут нате вам — бесплатно...

Одно жаль. Мало еще мы посылаем людей, чтобы вот так рекламировать свои трактора. Пока только имеем возможность посылать в такие страны, которые много машин берут. А реклама-то дорогá как раз в самом начале — пока там всего один-два наших трактора.

Да и не в одной только продаже дело. Я ездил безо всякого переводчика, пришлось уже изучить португальский. Так я и ездил — с фирмы на фирму. Ничего ведь почти о нашей стране не знают, только разве о космонавтах. Да еще моисеевский

ансамбль был, понравился, кстати. А так слухи самые диковинные. Особенно удивляет их наша демократичность — в самых обычных отношениях. Я с трактористом там сдружился, так и это им странно было. А уж сам тракторист этот от наших отношений рос у них прямо на глазах. И не могут они никак представить себе, как это я после работы могу с рабочим, другом своим, на рыбалку идти. Не укладывается, и все! Или что наш директор в Петрозаводске живет с рабочими в одном доме... Да почти чего ни коснись, все странно. Мороз и то не могут представить. «Реки, — говорю, — льдом покрываются». — «Как же рыба?» — спрашивают. «Живет», — говорю. «А какая ж температура у вас зимой?» — «Тридцать бывает». Долго так молча на меня смотрят. Вижу, не верит ни один ни на грош. «Не может быть», — говорят. «Почему?» — «Да как же так? В холодильнике семь градусов, и то там все замерзло, а ты говоришь, тридцать, и живой к нам приехал».

И бедно все-таки живут рабочие. Разница какая-то астрономическая — между рабочим и инженером. Если разнорабочего взять, так в двадцать раз меньше получает: инженер три тысячи, а разнорабочий сто пятьдесят крузейро. Велосипед и то купить проблема...»

Борис Наумович Одлис: «Экспорт мы можем увеличить в любой момент. Уже несколько лет мы собираем экспортный трактор на общем технологическом потоке. Никакого особого выделения экспортного варианта не существует. Единственно, что все узлы этого трактора окрашены в другой цвет — в красный, да больше контрольных операций. Только и всего.

Что же касается перспектив торговли, то, разумеется, они особенно ясны в отношении социалистических стран. Мы и поставки первые новой модели начали в эти страны. Вообще страны СЭВ в основном — там, где есть лесозаготовки, — работают на наших тракторах. Очень много их в ГДР, очень много во Вьетнаме... Составлены долгосрочные соглашения — по восьмидесятый год все известно и нам и им. Кроме этого, есть устраивающая их и нас равномерная разбивка поставок из года в год.

И там, конечно, есть наши представители...»

Владимир Иванович Матвеев — инженер: «Вот уж чего не нужно было делать в Монголии, так это рекламировать наш трактор. С Монголией связи у нас старые, большинство тракторов здесь именно наших — онежских, это еще старые трактора — «сороковки». А сейчас хорошим таким потоком пошли новые. И первое, что они ощутили, — это разницу между старой моделью и новой. Были не только похвалы, были и претензии, но не рекламации, просто по-человечески говорили: вот тут надо бы подделать, подумать еще малость, не очень хорошо вышло. Опыт-то у монгольских трактористов огромный и очень трудный.

Основная масса наших тракторов работает на севере Монголии, в горах. Леса, как известно, в столицах не растут. Высоко в горах они, правда, не работают, но лес переспелый — его прямо сейчас надо брать, сию минуту. Иначе поздно.

Работают они выездными бригадами: едут в лес на месяц или больше, ставят юрты и работают. В таких условиях и с ремонтом сложно — очень уж далеко от всего. Вот тут как раз сильно ощущается помощь наших специалистов. Они во всех крупных леспромхозах есть. И это именно эксплуатационники — из наших леспромхозов — практического склада люди, механики.

А моя задача была обучать монгольских водителей особенностям эксплуатации новой модели. И вот уж чем упрощалось дело — язык они почти все знают: кто техникум у нас кончил, кто институт, а из водителей технические училища многие.

Но условия трудные. Горы... Пакет стволов толкает сзади, уклон крутой — разложение сил самое невероятное. Иногда, чтобы сделать поворот вправо, например, приходится делать самое противоестественное — тормозить левой гусеницей, то есть теоретически идти влево. Кто хоть чуть-чуть что-нибудь водил — хоть велосипед, — понимает, в чем суть... А там, положим, в левой как раз стороне пропасть, и невозможно себя заставить туда править — пусть ты хоть сто раз знаешь, что поедешь-то как раз вправо. Слева-то пропасть, и все тут. А я еще и не могу похвастаться, что я большой ас такой вот работы. У нас тут есть такие обкатчики — они меня за пояс заткнут. Но ведь и задача моя была не та — мне надо было, чтобы они к этому вот повороту подошли на тракторе, полностью послушном, надежном, чтоб и без меня это тоже было так, когда я уеду... А трактора нравятся им. Да ведь и не покупали бы, если не нравились».

Трактор выползал во двор и начинал жить. В отличие от всего живого, выходящего на свет робко и беспомощно, этот жил неистово. Его гусеницы рвали все, что было под ними, с такой яростью, что не выдерживали ни бетон двора, ни асфальт — все крошилось и комкалось под ним. Теперь двор выстилали карельским булыжником, и только его голубизну не брало железо гусениц — лишь искры били.

Но что-то в нем — в нутре его — еще было неродственное друг другу, что-то сопротивлялось еще вот этому насильственному совмещению частей, которые надо было прилаживать друг к другу ударами молотков и поворотами гаечных ключей.

Тогда его загоняли на трайлер и везли за город. Двенадцать часов кряду он ревел там на пустыре, ворочая и разрывая траками землю. Как слепая шахтерская лошадь, он ходил по кругу на всех скоростях, ходил груженный сильно и не очень, учился сбрасывать с себя груз и снова взваливать его на себя... И тогда все в нем смирялось и устраивалось, потому что избежать этого он не мог, да ему и не дали бы этого избежать.

И он, послушный, ходил и ходил. А за ним присматривали, как присматривают за новорожденным, пристально и ревниво. Где-то в глубине его вдруг начинало что-то капризничать, и надо было определить, минутный ли это каприз его железного нрава или действительно ему плохо. И тогда ему надо было помочь, и его слушали и помогали ему.

Теперь он уже и сам, казалось, начинал стараться понравиться людям. Он привыкал жить и работать, и это было для него одно и то же, потому что все, для чего произвели его на свет, было только работой. И может, единственное, чего не хватало ему здесь, на полигоне, чтобы показать себя, это то, что не было здесь леса и гор.

Геннадий Иванович Аленко — инженер: «Новая модель стала поступать в Чехословакию в 1975 году. До этого у них был наш старый трактор. «Сороковок» работало много — больше четырехсот, добиты они были хорошо, и надо было менять парк. Вот тут и пришли первые восемь новых.

Жил я тогда в Братиславе и оттуда наезжал в командировки. Вначале надо было ознакомиться с условиями эксплуатации старых машин, и я почти все время пропадал в Южной и Средней Словакии. Трактора работали на склонах, почти всегда под углом тридцать-сорок градусов — чуть ли не на стенке. Но трактористы свое дело знали. И когда пришли новые, трактористы пересели на них с «сороковок». Это было уже в Восточной Словакии, почти у нашей границы. Модель действительно была куда лучше, трактористы сразу поняли это, и мне оставалось только побывать у каждого трактора — узнать, есть ли отказы, претензии. Когда же пришла целая партия, мы решили организовать обучение трактористов.

Нужда в этом, конечно, была. То, что приходит с практикой, можно получить и в обучении. Это удобней и быстрей. Да и безопасней это, чем каждому самому набивать себе свои собственные шишки. И мы начали учиться.

Дело шло быстро — механики хорошие, и надо было лишь понять особенности новой модели. Колесные трактора у них и самих есть, гусеничных же нет. А он нужен. Да и колесный их, на мой взгляд, не очень еще доработан, и далеко не везде его применишь. Пробовали они, кстати, покупать финские трактора, шведские, но, во-первых, хотя наша машина и в хорошей цене на международном рынке, но те дороже, да и по техническим данным в работе в тяжелых условиях наш лучше.

Понять это едва ли было трудно, и недаром сейчас Чехословакия просит увеличить поставки».

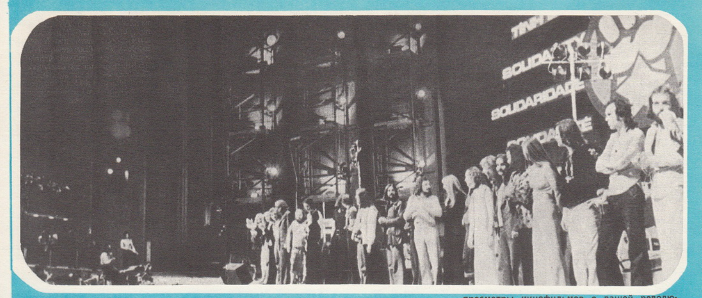
Он переворачивался с неуклюжестью огромного зверя. И это было невероятно, потому что несчастье случилось с ним как раз тогда, когда все в нем было уже притерто и надежно. И все это существовало в нем уже только для работы, а не для несчастья.

Если б он был хоть чуть живой, то он не поверил бы этому и сопротивлялся. Да он, похоже, и впрямь сопротивлялся, потому что после второго сальто он вдруг застыл на склоне, пытаясь зацепиться гусеницами за камни, но не удержался и уже отчаянно и тяжело перевернулся еще дважды. Огромный щит его, оторвавшись, обрушился на кабину сверху. Это был конец.

И это было то, что нужно, потому что люди хотели знать, как это происходит с ним. Они затащили его на холм и столкнули. Они даже снимали фильм — фильм о том, как его железо будет сопротивляться несчастью. Теперь они видели, что оно сопротивлялось хорошо, и это устраивало их, потому что другие его собратья были похожи на него, как капли, и, значит, их нигде в чужих лесах не ожидало ничто более худшее.

Собратья могли отправляться в путь.

Ю. ЛЕКСИН,
И. ЦИПИН (фото),
наши спец. корр.

«ФЕСТИВАЛЬ!» В ПЕРЕВОДЕ НА КАЖДЫЙ ЯЗЫК

Фестивальное движение сильно тем, что оно собирает в единое русло многочисленные потоки антиимпериалистической борьбы — борьбы за свободу, мир и социальный прогресс. Различны конкретные вопросы, выдвигаемые на первый план национальными подготовительными комитетами Азии, Африки или Америки, но едина у них основа — нетерпимость молодежи к империалистическому насилию, готовность постоять за национальное достоинство и свободу каждого народа. Иллюстрацией тому могут служить публикуемые интервью и статья о национально-освободительном движении в Панаме.

Коджо АППИЯ, секретарь Африканского молодежного командования, секретарь-распорядитель Национального подготовительного комитета (Гана):

Между членами НПК (представляющими восемь организаций) распределены обязанности по секторам — политическому, культурному, спортивному. Но какое бы мероприятие ни проводилось — лекция о фестивальном движении, концерт, соревнование, — его главным содержанием становится солидарность с народами, борющимися против империализма. Важное направление нашей работы — разоблачение антисоветской пропаганды. В год 60-летия Великого Октября мы организуем просмотры кинофильмов о вашей революции, об успехах СССР, устраиваем семинары, на которых разъясняем выгоды политики разрядки для народов, борющихся за национальный суверенитет. Естественно, что главная наша боль — судьба африканцев ЮАР, Родезии, Намибии.

Джайятиллеке де СИЛЬВА, Генеральный секретарь Федерации коммунистической молодежи Шри Ланка:

Мы верим, что фестиваль даст новый импульс борьбе народов Азии за создание системы коллективной безопасности на нашем континенте, за превращение Индийского океана в зону мира. Важная часть подготовки к фестивалю — дать молодежи политические знания о Латинской Америке, о Кубе. Для нас работа по созданию Национального подготовительного комитета фестиваля — прекрасная возможность добиться единства действий различных молодежных организаций страны.

На снимке: лучшие музыкальные ансамбли ГДР дали «концерт солидарности» в Дрездене; вся выручка — 20 980 марок — предназначена на поддержку борцов против империализма.

РАЗДЕЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ ПАНАМЫ

Валерий ВОЛКОВ,
корреспондент «Правды» — для «Ровесника»

В то утро Рейнальдо пришел в университет очень рано. «Ла Колина», как называют панамцы свой университет из-за того, что он расположен на холме, еще был укутан в мягкую утреннюю дымку тумана, и в его коридорах было пустынно и тихо. Но в комнате, где размещается студенческий центр, горел свет. Сгрудившись у стола, группа ребят что-то оживленно обсуждала.

«Наверное, и не ложились спать», — подумал Рейнальдо, глядя на покрасневшие глаза ребят.

Подойдя к письменному столу, он открыл верхний ящик, достал оттуда целлофановый пакет, в котором лежал выцветший панамский флаг. Он бережно расстелил его на столе. Это был тот самый, изрешеченный пулями флаг, с которым 9 января 1964 года студенты университета и учащиеся средних школ Панамы шли на демонстрацию, шли навстречу пулям и штыкам американских солдат. В тот день двадцать два человека были убиты, более пятисот ранены. Заметный шрам на подбородке Рейнальдо — след того «кровавого воскресенья».

— Флаг понесешь ты, Франсиско, — сказал он высокому мулату с пышными, как у Анджелы Дэвис, волосами. — И еще раз предупреждаю, ребята: никакой самодеятельности. Нужно обойтись без столкновений. Надо только показать американцам этот флаг. Он сам за себя говорит: он символ нашего достоинства и символ их позора.

Когда по трапу из салона первого класса «Боинга-727», приземлившегося в панамском аэропорту «Токумен», сошла группа американцев — членов делегации США на переговорах о Панамском канале, из-за спин встречавших их панамских правительственных чиновников вдруг возникла долговязая фигура Франсиско. Подняв над головой флаг, он на хорошем английском языке объяснил, что это за флаг и отчего он так издырявлен.

Элсоурт Банкер, возглавлявший американскую делегацию, непроизвольно поморщился, но тут же, взяв себя в руки, изобразил улыбку, протянул Франсиско руку и сказал:

— Я понимаю ваши чувства, юноша. К сожалению, кроме искреннего сочувствия, я ничего тут сделать не могу.

И американцы заторопились в здание аэропорта. А рядом с ними, подняв в руках изрешеченный пулями флаг, молча шли Франсиско и его друзья.

Элсоурт Банкер дал волю своим чувствам только в салоне для особо важных пассажиров. Он наотрез отказался ехать в город, чтобы не видеть больше этих «сумасбродов-мальчишек», которые будут маячить у него перед глазами с панамским флагом. И когда кто-то предложил перенести переговоры на остров Контадора, американцы с готовностью согласились.

Сочинители туристских проспектов называют остров Контадора, расположенный в Тихом океане в 56 километрах от Панамы, без особой изобретательности, но зато с полным основанием — райским уголком. Состоятельные туристы, кроме прелестей тропической природы, ценят здешний уют и покой. Но каково же стало Банкеру и его спутникам, когда, выходя на следующее утро из отеля, они опять наткнулись на фигуру Франсиско с простреленным флагом. И так продолжалось все двенадцать дней, пока шел очередной раунд переговоров о будущем Панамского канала.

Вырвавшись из толчеи торговой авениды Сентраль, мы выезжаем на широкую, разделенную белой полосой авениду де лос Мартирес (проспект Жертв). Еще несколько сот метров, и большой дорожный щит предупреждает, что впереди зона Панамского канала.

Четырехрядное шоссе огорожено с обеих сторон металлической сеткой. Сквозь сито этой своеобразной границы отчетливо видны пакгаузы, железнодорожные вагоны, навесы, складские помещения, высокая пирамидальная коробка — ангар военно-воздушной базы Олбрук-Филд. Прямо у нас над головой заходит на посадку маленький двухместный самолет с белыми звездами — опознавательными знаками ВВС США.

Обогнув взлетную полосу Олбрук-Филд и здание межамериканской военно-воздушной академии, дорога уходит на восток, к городу Колону.

— Справа — казармы рядового состава, слева — офицерские коттеджи, — поясняет мой спутник.

Все надписи, кроме дорожных, только на английском языке. Названия улиц, военных городков сугубо американские: Канзас-авеню, Калифорния-стрит, Вашингтон-парк. Что это — только ностальгия или заодно желание приучить панамцев к мысли о вечном американском присутствии? Мелькают предупреждения: «Не останавливаться!», «Не сворачивать!», «Въезд запрещен по приказу губернатора!», «Зарезервировано за военной базой», «Скорость не ниже 40 километров! Движение контролируется скрытыми радарами». И тут же примечание: в случае неповиновения — привод в полицейский участок и суд США.

Решив передохнуть от пугающих щитов, мы свернули на боковую дорогу поскромнее. Но метров через сто перед нами, как из-под земли, выросла фигура солдата с автоматом. Пока разворачивались, сзади взвыла сирена. Из машины военной полиции выпрыгнули двое в темных очках. Не говоря ни слова, сержант протянул руку в открытое окно нашего «форда», взял с сиденья фотоаппарат, профессионально снял заднюю крышку и рывком выпустил пленку на зеленый газон. Кассету кинокамеры он попросту раздавил каблуком. Его напарник бросил резко: «Follow me!» («Следуйте за мной!»). Перспектива оказаться в участке военной полиции не радовала, но что делать? Мы послушно следовали за мигалкой полицейского фургона. Мы, однако, зря переполошились. Едва мы снова оказались на дороге Панама-сити — Колон, как сигнал «Следуйте за мной!» на полицейском фургоне погас, и наши конвоиры на большой скорости умчались вперед, наверное, искать других нарушителей.

Надпись на обочине предупреждает о въезде на территорию Форт-Клейтона. Навстречу чаще попадаются зеленые фургоны грузовиков и «джипов» с военными номерными знаками.

Слово «форт», которым американцы называют свои военные базы, позаимствовано ими у строителей первых испанских укреплений, возведенных еще в XVI веке. Однако нынешние «форты» на территории зоны Панамского канала просто оборонительными не назовешь. Военные аэродромы в Олбрук-Филд и Говарде со взлетными площадками, способными принимать самолеты почти всех существующих типов. Военно-морские базы в Коко-Соло и Говарде оборудованы как для надводных, так и для подводных кораблей. «Межамериканская полицейская школа» в Форт-Дэвисе. Школы «антипартизанской борьбы» в Форт-Гулике и в Форт-Шермане. Казармы в Форт-Амадоре, Форт-Клейтоне, Форт-Рандолфе. Три дня в неделю войска проводят учения. 193-я ударная пехотная бригада США, например, отрабатывает операции по «подавлению партизан и гражданских волнений в панамских городах».

Проживать на территории «государства в государстве», кроме американского военного персонала, разрешено только лицам, обслуживающим канал. Управляет зоной американский военный губернатор, назначаемый президентом США. Губернатор одновременно является президентом компании Панамского канала и железной дороги. Законодательные функции в зоне осуществляет военное министерство США.

Шлюз Мирафлорес, откуда любопытным разрешается взглянуть на Его Величество канал, выглядит импозантно. Аккуратно расчерченные стоянки автомобилей, выкрашенные в белый цвет перегородки, большие стрелки с указателями. По узкой крутой лестнице поднимаемся на смотровую площадку.

Впереди две ровные ленты бетонных водоемов. Вода в них не колышется. Через несколько минут маленькие электровозы-буксиры на берегу, нервно гуднув, поползли навстречу английскому судну. Шлюзование длилось минут восемь-десять. Все это время добросовестный гид бубнил в микрофон, но туристы слушали его рассеянно. Он это знал, и только когда электровозы застыли на месте, голос его зазвучал громче:

— В 1903 году, когда Панама отделилась от Колумбии, Соединенным Штатам была предоставлена полоса земли, называемая теперь зоной канала. Согласно договору Соединенные Штаты обязались гарантировать независимость Панамы и выплатили ей 10 миллионов долларов. 4 мая 1904 года США, купив за 40 миллионов имущество французской компании, которая безуспешно вела строительство канала, начали работу. Гигантский проект, который обошелся в 380 миллионов, был закончен десять лет спустя... Самый большой счет, на сумму в 32 196 долларов, был предъявлен либерийскому танкеру «Виктория», который прошел через канал 26 марта 1968 года, самый маленький — 45 центов — заплатил Альберт Ошивер, добравшийся вплавь от Гатуна до Гамбоа в декабре 1962 года...

История Панамского канала, насколько мы знали, выглядела не так просто, как это рассказывал веснушчатый гид на смотровой площадке шлюза Мирафлорес.

Не доезжая до озера Гатун, сворачиваем влево и въезжаем на территорию поселка, где живут рабочие-панамцы, обслуживающие канал. Название поселка словно в шутку — Параисо (рай). У одноэтажных низких домишек копошатся полуголые дети, висят разноцветными гирляндами веревки с бельем. Каждая улочка, носящая имя одного из Антильских островов, откуда были привезены негры для строительства канала, — напоминание об истории. Тобаго, Мартиника, Тринидад, Ямайка... У входа в начальную школу развеваются флаги — американский и панамский.

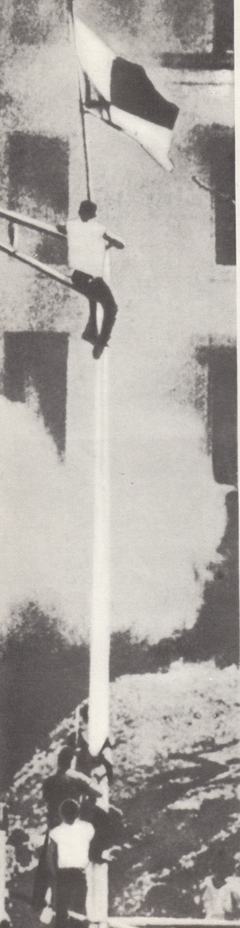
Идея соединить два океана каналом в районе узкого перешейка давно волновала человечество. Испанец Альваро де Сааведра предложил ее еще в 1529 году. В начале XIX века Симон Боливар писал о том, что канал может принести «этому счастливо расположенному району доходы со всех четырех сторон света».

Доходы, однако, от завершенного в августе 1914 года канала получили не жители Панамы, а Соединенные Штаты Америки. Десятки тысяч человеческих жизней унесла с собой смелая идея, воплощенная в жизнь наемными рабочими. Они гибли в болотах Панамы от лихорадки и других тропических болезней. Грабительский договор 1903 года лишил эту маленькую страну права распоряжаться не только каналом, но и полосой земли, по которой он проложен. 1432 квадратных километра зоны были «навечно» закреплены за США. Надпись на гербе Панамского канала «Разделенная земля — соединенный мир» никак не может соединить интересы панамских патриотов, борющихся за пересмотр условий договора, и империалистических кругов, которые наживаются на эксплуатации этого «моста мира».

В бывшем ангаре разместилась огромная столовая самообслуживания. Подвешенные к потолку гигантские вентиляторы лениво и безнадежно молотят лопастями влажную духоту. Заплатив всего полтора доллара за полный поднос, я поначалу решил, что ошибся, но кассир весело крикнул мне: «О'кэй!» — и жестом пригласил следующего.

За столом я решил спросить у моих спутников причину такой дешевизны.

— Американцы не дураки, как кое-кто их представляет, — говорит Франсиско.—Действительно, такой обед в Панама-сити стоит в три-четыре раза дороже. Только не ищи в «щедрости» филантропии. В ней — холодный расчет. Янки поняли, что при нашей нищете любая подачка — благо. Вот и понастроили теперь здесь, в зоне, столовые, кафе, дешевые магазинчики, чтобы панамцы приезжали сюда отовариваться. Служащий, имеющий автомобиль, предпочитает обедать и покупать товары первой необходимости в зоне. Одним словом, все здесь делается, чтобы доказать панамцам выгоду «зонной благотворительности». Мол, только круглые дураки могут отказываться от таких услуг, вот она, прямая «выгода» от присутствия американцев...

Однако стихийный протест против американизации страны растет и чувствуется во всем — даже в надписи в панамском аэропорту: «Вы вступили на панамскую землю, здесь говорят только по-испански». Пример американского «технологического чуда», американский размах и организация, обилие материальных благ вызывают у панамцев вопреки расчетам США не зависть, а скорее раздражение. Все попытки внушить им, что главным мерилом человеческого существования должны стать вещи, которые они могут купить по дешевке в зоне канала на заработанные там же деньги, искусственная стимуляция культа материального потребления, всяческое принижение национальной культуры стали своеобразным бумерангом.

Было бы преувеличением утверждать, что панамцы вообще гордо отворачиваются от американских консервов или демонстративно не ходят на американские фильмы. Просто запланированного восторга они при этом не испытывают. Любой панамец вам скажет, что его последним нанимают на работу в зоне канала и первым в случае необходимости увольняют. Его зарплата по сравнению с американцем, выполняющим ту же работу, в два раза ниже. Его дети учатся в школе, гораздо хуже оборудованной, чем школа для детей американского коллеги. Да и потом: все эти блага существуют лишь в «зоне» и — практически — за счет остальной территории Панамы.

Сопротивление против американизации особенно заметно в области образования. По сравнению с другими странами Латинской Америки уровень образования в Панаме даже очень неплох. В стране «всего» 20 процентов неграмотных, на нужды образования правительство ежегодно тратит пятую часть государственного бюджета. За пять лет пребывания у власти военные во главе с генералом Торрихосом построили несколько сотен школьных зданий, создали специальный «фонд образования».

И все же, по мнению панамцев, назрела необходимость в корне изменить отношение к вопросам просвещения и формирования мировоззрения юных панамцев. Ведь до сих пор из каждых 100 учеников, поступающих в школу, только одиннадцать получали среднее образование. «Бедность, а порой и нищета — вот главные причины, по которым учащиеся оставляют школу, — говорит Леонардо Фуэнтес, вице-президент Национальной комиссии реформы образования. — Другая проблема: нам удалось вытеснить янки из национальных школ, но покончить с влиянием их идей не так-то легко. США постоянно навязывают нам свои системы преподавания, учебники, пособия, которые искажают историю нашей страны и проводят мысль о неизбежности господства американцев в зоне канала».

Луис Навас, высокий черноусый мулат, уверенно ведет маленький «фольксваген» по лабиринтам улиц. Член руководства Федерации панамских студентов Луис показывает нам, где в январе 1964 года американские солдаты расстреляли демонстрацию студентов.

— Вот здесь убили Рамона Гонсалеса, там погиб Хильберто Рамирес, а на этом месте ранили моего брата Хуана. Его потом долго лечили в Советском Союзе, он вернулся на родину, но в 1965 году был убит.

К вечеру мы приехали на кладбище «Амадор». Здесь под кронами королевских пальм похоронены двадцать два студента, погибших 9 января 1964 года. Луис молча положил букет цветов на одну из могил, заваленную венками, и почти тотчас зашагал к выходу.

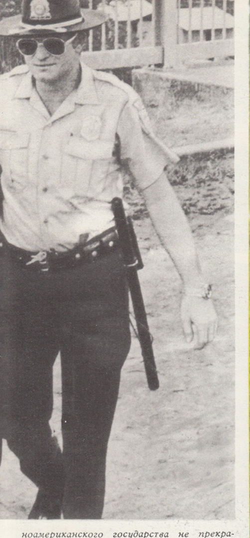
— Не могу я здесь долго стоять, — сказал он. — Подобные воспоминания — не самый лучший советчик в нынешней работе. Но смерть двадцати двух и раны пятисот товарищей не были напрасной жертвой — они способствовали росту самосознания панамцев, их политическому воспитанию.

Почти тринадцать лет идут переговоры между Панамой и Соединенными Штатами о статусе канала. Однако они фактически зашли в тупик. Вашингтон, согласившись частично изменить условия договора эксплуатации канала, не намерен отказываться от своих привилегий в зоне и выводить оттуда вооруженные силы. Накануне последнего раунда панамо-американских переговоров о статусе канала США прибегли к недвусмысленной угрозе. Командующий южным военным округом США генерал Деннис Маколифф заявил: «Американские войска, размещенные в зоне канала, готовы отразить любые посягательства на межокеанский путь».

Национальное собрание Панамы призвало свое правительство в знак протеста против позиции США отказаться от установленной Соединенными Штатами ежегодной денеж-

«Заноза в сердце страны» — так говорят панамцы о колониальном анклаве США на панамской земле. Молодежь этого лати-

ноамериканского государства не прекращает борьбы за возвращение зоны канала ее настоящему хозяину — народу Панамы.

ной компенсации за канал, которая выражается в смехотворной сумме — 1930 тысяч долларов.

«Пусть весь мир знает, — говорится в резолюции Национального собрания, — что эта полоска панамской земли, известная как «зона Панамского канала», не была ни куплена, ни предоставлена, ни арендована, ни передана Республикой Панама Соединенным Штатам, а незаконно оккупирована в результате интервенции и навязанного в 1903 году договора, ущемляющего наше национальное достоинство».

Процесс эволюции мышления панамцев особенно заметно отразился на настроениях панамских военных, среди которых за последнее время стали популярны концепции революционного национализма. Среди брошюр, которые обычно вручают приезжим журналистам в отделе информации МИД Панамы, мое внимание привлекла одна под названием: «Личность и революционная стратегия генерала Омара Торрихоса». Вот что президент Панамы Торрихос пишет о себе в этом документе:

«22-летним младшим лейтенантом я не раз командовал отрядами, которые отправлялись расстреливать или «утихомиривать» студентов, рабочих и крестьян. Напутствуя меня на выполнение заданий, вышестоящие начальники говорили: «Разделайся с этими смутьянами, которые лезут управлять экономикой страны, а сами не в состоянии платить за квартиру. Уничтожь этих забастовщиков, Торрихос. Мы оказали им услугу, взяв на работу, а они теперь требуют увеличения зарплаты и даже крыши над головой для своих ублюдков». Уже в чине капитана я подавил партизанское восстание, поднятое студентами, которые боролись за идеи справедливости... Но я убеждался в том, что, похоронив трупы юных партизан, мы не можем похоронить идеи, которые толкнули их на вооруженную борьбу. Прочитав их воззвание, я подумал тогда, что если бы не военная форма, то я вполне мог бы оказаться рядом с ними в партизанской траншее. Именно тогда я пришел к выводу, что если когда-нибудь удостоюсь чести руководить вооруженными силами, то непременно поставлю их на службу интересам родины».

Сегодняшнюю ситуацию в Панаме один из лидеров студенческого движения, Рейнальдо, подытоживает так:

— Вопрос о канале — это вечная заноза в сердце панамцев. Вырвать ее одним махом грудно. К тому же в стране масса проблем: безработица, отсталое сельское хозяйство, деформированное образование, нехватка жилья, дороговизна. Мы понимаем, что, добиваясь освобождения зоны канала, нужно проводить серьезные реформы в социально-экономической жизни, готовить народ к самостоятельному управлению экономикой и культурой страны, а не уповать на доходы, которые в будущем может принести эксплуатация канала.

Покидая Панаму, я раздумывал над словами Рейнальдо. На карте мира Панама — лишь пятнышко, где сошлись два океана. Но пятнышко, которое всегда на виду. Шумный, пестрый уголок земли, с его пальмами и небоскребами, лачугами и ангарами, могилами национальных героев и запретительными щитами-окриками на иностранном языке... Сбито вплотную, оголено, без полутонов и переходов — богатство и нищета, родное и чужеземное, прошлое и настоящее. В этих противоречиях — вся сегодняшняя Панама, но она борется и надеется. А главная надежда этой латиноамериканской страны — ее самоотверженная, энергичная, думающая молодежь — такие, как мой друг Рейнальдо, его товарищи Франсиско и Луис, их погибшие и живые соратники по борьбе.

«И ВОТ ВАМ БОЛИ ПОРТРЕТ»

Джон БЕРЕНДТ,
американский журналист

В августе 1968 года — во время съезда демократической партии в Чикаго — был миг, момент, не более пятнадцати секунд, когда накал бунтарского духа достиг кульминации. Доля минуты, миг; это случилось во вторник вечером в «Колизее», а на другом конце города, в отеле «Хилтон», шел съезд... В «Колизее» тысячи демонстрантов собирались на «Вечер-не-в-честь-неименинника-Линдона Джонсона». Поскольку вечер был не в честь, счастья неименниннику, естественно, не желали.

Что-то должно было случиться в «Колизее», это «что-то случится» висело в воздухе. Накануне в Линкольн-парке была драка с полицией, и гордые лбы пострадавших украшали заляпанные кровью повязки — будто терновые венцы. Программа была в полном разгаре, когда на сцену вышел Фил Окс. Срывающимся голосом начал он петь свои песни — аудитория сто раз слышала их на разных митингах с начала шестидесятых. Только в тот вечер все было иначе.

Он пел «В случае удачи», прекрасную и скорбную балладу,

нел «Я больше не хочу маршировать», что стала гимном антивоенного движения. И в зале заполыхали призывные карточки, маленькие дрожащие огоньки бунта. С каждым новым огоньком ропот толпы становился громче. Окс пел «Конец войне», и, когда дошел до строчек «Чтоб кончить это все, быть может, сто́ит и государству изменить», зал взорвался. Зал вопил стоя, и в этом вопле было все: жажда справедливости, ярость, злость — на то, что их предали, на жульничества, грязь преступления. В этот миг единства, небывалый миг, многие удивлялись себе, крича это — что, может, стоит изменить государству, если государство не хочет меняться. Крик набухал, вот уже воздуха не осталось, был один крик.

И потом все кончилось.

Поздно ночью Окс и я стояли на Мичиган-авеню и смотрели, как у «Хилтона» разворачиваются в боевые порядки отряды национальной гвардии. Мы стояли у военного «джипа». Мы говорили.

— До них наконец-то дошло, — говорил Фил светло и мягко, — это было там, я чувствовал это. Ты смотрел на их лица? В них не было страха. Я никогда такого раньше не видел.

Я много раз вспоминал потом тот миг в «Колизее». Вспомнил я его в апреле 1976 года, когда узнал, что Фил умер. Ему было тридцать пять лет.

Фил Окс был известен как трубадур «новых левых», как самый радикально настроенный артист шестидесятых. Он писал песни протеста, песни на злобу дня, злые песни, их пели потом все, и он был равно счастлив, исполняя их на митингах и в концертах. Его песни взывали к чувствам и при определенных обстоятельствах могли спровоцировать действия (в глубине души он надеялся, что так и будет).

Песни, под которые он рос? Элвис Пресли и другие — просто рок, и кантри, и вестерн. Он был мечтатель, одиночка, сын доктора и миссис Джэкоб Окс, рожденный в Эль-Пасо, взращенный в штатах Нью-Йорк и Огайо. Три раза в неделю ходил в кино, забывая себя, растворяясь в экранном счастье. (Потом он как-то сказал, что в отрочестве был «обыкновенным американским оболтусом».) Политикой не интересовался. Упросил родителей определить его в Стонтоновскую военную школу — увидел в «Нью-Йорк таймс» объявление о наборе. Друзья-кадеты? Джеймс Дин и Мэкси Голдуотер, они снялись вместе для альбома выпускников, именуемого «Шрапнель». Диплом Филу вручал Голдуотер-старший, Барри [1].

В штате Огайо — там он учился в колледже на отделении журналистики — жил в одной комнате с Джоном Гловером. Именно он познакомил Окса с гитарой и политикой. (Гловер потом стал известным фолк-певцом.)

«Мой отец был коммунистом, увлекся марксизмом и я, — говорит Гловер, — вместе с Филом мы читали «Коммунистический Манифест». Фил был наделен мучительным чувством справедливости и состраданием к слабым, одиноким и униженным. Книгой его юности стала «О мышах и людях» Стейнбека».

Начал писать статьи в газету колледжа. Когда предложил статью, в которой называл Фиделя Кастро одним из величайших людей века, газета от его услуг отказалась, и Фил подумал, что сможет сделать свою мысль более доходчивой и проходимой, выразив ее в песне. Так он написал свою первую политическую песню «Баллада о блокаде Кубы». С успехом исполнил ее в дуэте с Гловером в студенческом кафе.

Сделал еще несколько политических песен, тоже удачных. Бросил колледж и уехал в Гринвич Виллидж [2].

В то время в Гринвич Виллидж начинали стекаться молодые и никому пока не известные авторы песен протеста — Боб Дилан, Том Пакстон, Эрик Андерсен, Питер ла Фарж, Джон Себастьян, Ричард Фаринья.

Дремотные пятидесятые кончились. Окс и его молодые друзья пели о гражданских правах, о бомбе и — уже — о Вьетнаме.

Как-то сразу порешили, что Боб Дилан — звезда, а Окс — второй, но дистанция между ними велика. (Фила это мнение бесило — кого бы не бесило? — но тем не менее он всегда оставался самым яростным защитником Дилана, называя его «величайшим поэтом среди всех нас».)

Поворотным пунктом в карьере Окса был Ньюпортский фестиваль народной музыки 1963 года. Пит Сигер заранее уговорился с Оксом, что во время выступления вызовет его из зала и попросит спеть несколько вещей. На следующий год его пригласили уже в качестве ведущего певца.

Сигер даровал молодым титул «Дети Вуди», и титул этот пришелся кстати. Да, в песнях они были последователями Вуди Гатри [1], но во всем остальном — из другого племени. Гатри, Джо Хилл, Слепой Лемон Джефферсон, Тетушка Молли Джексон, Лидбелли — они сами страдали от бедности, голода, болезней, жестокости землевладельцев, шерифов и боссов. «Дети Вуди» пели о гражданских правах и Вьетнаме, но сами-то они, почти без исключения, выходцы из «белого среднего класса» и во Вьетнаме никогда не были.

Гатри любил говорить: «Вы не сможете написать стоящую песню о пыльной буре, если не побывали в ней». А это поколение молодых американцев подвергало сомнению ценности собственного класса, страдая от созерцания страданий. Это был искренний протест, но все же решимость их — и это показало время — не была необходимо твердой. Мальчики-пророки. Красивые мальчики. Вихри, водовороты, волнения вращались вокруг них. Их обожали, их имитировали, их награждали солидными суммами. Арло Гатри получал за один концерт больше, чем его отец заработал за всю жизнь. Их поколачивали, но не добивали. Их не боялись.

И все же именно певцы шли в первых рядах растущего движения протеста. Перед лицом таких врагов, как Линдон Джонсон и война во Вьетнаме, «Движение» сплотилось вокруг своих лидеров. Искры мятежа и страха потрескивали в воздухе.

В 1965 году Дилан начал отходить от «Движения», его песни становились неясными и личными. «Политика — чушь», — признавался он Оксу. Друзья цитируют его высказывания того времени: «Пришла очередь Фила. Он может занять мое место, если пожелает». «Синг Аут» [2] назвал Дилана дезертиром и провозгласил певцом «Движения» Окса.

В шестьдесят седьмом Окс выпустил «Радости гавани», его самый успешный альбом политических песен. Но каким бы звонким в целом альбом ни был, две песни выпадали из контекста, отражали сомнения Фила. «Перечеркни мое сердце» — песня о мечте, что превращается в кошмар, о радости, которая стала мучением. «Я был с ней» — о несбывшейся надежде на любовь и красоту, о девушке: «Я мечтал о ней; я был с ней. Я понял — она ничто».

«Фил любил эту свою песню больше всех, — говорит Майкл Окс, младший брат Фила и его бывший менеджер. — Она выражала его философию — «Все тщетно». Это миф о Сизифе: стоит вам достичь вершины, и вы непременно скатитесь вниз и должны толкать свой камень, свое бремя к вершине вновь и вновь».

Тогда Оксу было двадцать шесть. Был женат, недолго, брак распался, и он боялся новых встреч. Дочка — она родилась в шестьдесят третьем — жила с бывшей женой в Калифорнии. Сам он кочевал между Чикаго и Нью-Йорком.

Город Чикаго вообще приобрел особое значение для Окса. В тот короткий миг в «Колизее» протестующие больше не были лояльной оппозицией; они стали жертвами. Избитые полицией, преданные, они почувствовали желание воззвать «К оружию!». Но это было лишь иллюзией, стечением обстоятельств, и вряд ли эта иллюзия могла повториться. Окс понял это, он понял, что те перемены, на которые он надеялся, не произойдут.

После Чикаго все покатилось под откос — и для «Движения», и для самого Фила Окса. К тому же он почувствовал, что творческая сила ослабевает. Стихи уже не накатывали на него будто волна, как это было раньше. Мир Фила начал дробиться, рассыпаться.

Он решил вернуться к своим музыкальным корням, к мелодиям кантри. В 1970-м дал концерт в «Карнеги-холл» — вышел на сцену в парчовом костюме и пел старые хиты Пресли и Бадди Холли. Надеялся, что его слушателям — подчеркнем, его слушателям — эти песни понравятся, что они поймут его уважение к ним — как к определенному культурному наследию. Его высмеяли.

«Если и есть какой-то шанс для Америки, — сказал он тогда, — то этот шанс — революция».

Фил считал, что, если бы удалось привлечь к «Движению» молодых рабочих, тот миг в Чикаго не был бы таким коротким.

Если бы Окс был последовательным в этой своей линии, он мог бы достичь каких-то результатов. Хотя бы как артист. Написал две отличные песни в стиле «кантри-энд-вестерн» для следующего альбома, но последняя вещь из этой пластинки носила символическое название «Нет больше песен». Он просто не мог их писать. У него больше не было темы.

Окс пытался найти себя в другом. Сдал несколько статей в лос-анджелесские «подпольные» газеты, их опубликовали, но все же это было не его делом. Попробовал себя в качестве менеджера — когда в Чили произошел переворот, Фил органи-

---

[1] *Сенатор от штата Аризона, один из лидеров американских «ястребов». — Прим. пер.*

[2] *Район Нью-Йорка, где по традиции селятся артисты, художники, поэты. — Прим. пер.*

[1] *Известный исполнитель народных песен Америки 30-х годов. — Прим. пер.*

[2] *Журнал, посвященный проблемам народной музыки. — Прим. пер.*

зовал концерт в Нью-Йорке, весь сбор от которого пошел в фонд помощи чилийским демократам.

В то время Фила начали мучить острые желудочные боли. Врачи долго не могли поставить диагноз. Фил был уверен, что у него рак. Ему понравилась эта мысль, логичность смерти: «Фил Окс, певец «Движения», умер от рака».

Война во Вьетнаме кончилась. Окс организовал еще один концерт — в Сентрал-парке, это было летом семьдесят пятого года. Пел свою «Конец войне», собралась пятидесятитысячная толпа, толпа одобрительно шумела в такт песне, но это было лишь печальное прощальное «ура». На строчки «Чтоб кончить это все, быть может, стоит и государству изменить» отклика не было.

Вскоре после этого концерта врачи наконец-то определили — нет, не рак. Начали лечить, успешно. С мыслью о смерти пришлось временно расстаться, и это расставание Фила не обрадовало. Вершина была позади. Ничего уже не мог с собой поделать, опускался, бродил по Гринвич Виллиджу заросший, грязный, полупьяный. (У Фила была привычка бормотать строчки из своих песен. В то время он повторял одну: «И вот вам боли портрет» — это из его песни «Распятие».)

Бурные воды «Движения» успокаивались, Фил тонул. Он дал свой последний концерт — в «Фолк-сити», в зале, где когда-то впервые выступил как профессиональный артист. К концу четвертого отделения стал забывать слова. Последней спетой им песней было «Распятие» — «И вот вам боли портрет». «Я спел ее нарочно, — сказал он владельцу зала. — В один прекрасный момент вы прочтете в газетах: «Фил Окс покончил с собой в тридцать пять лет».

В декабре он перебрался к своей сестре Сонни, школьной учительнице. Попросил приютить его на несколько дней, остался на три месяца. Проводил дни у телевизора и часами играл со своими племянниками в карты. Когда проигрывал, платил песнями.

У него опять начались боли. Врач опять разочаровал — нет, не рак.

Утром восьмого апреля старший племянник, четырнадцатилетний Дэвид вышел в кухню. Увидел, что не хватает одного стула. Дверь в ванную была приоткрыта. Стул валялся на полу.

Спасти Фила не удалось.

В конце мая состоялся вечер памяти Фила Окса. На вечере пела Одетта, ее гитара была перевязана траурной лентой; Эбби Хоффман прислал пленку с записью слов прощания; Джерри Рубин [1], с трудом сдерживая слезы, читал последнее письмо Фила; Дэйв Ван Ронк пел «Он был моим другом»; пришел Аллен Гинзберг; пришли Пит Сигер, Эрик Андерсен, Мелани, другие певцы. Шесть часов пять тысяч человек стояли и ждали, что придет Боб Дилан. Он не пришел.

После концерта все собрались в баре в Гринвич Виллидже. Музыкальный автомат был заряжен глуповатыми мелодиями «диско». Вспоминали слова Окса: «Как мирно стало и как скучно. Конечно, хорошо, что война кончилась. Только, знаете, она заставляла людей думать».

---

[1] *Эбби Хоффман, Джерри Рубин входили в «чикагскую семерку» (так называли руководителей антивоенной демонстрации молодежи в Чикаго во время съезда демократической партии). В 1969 году власти США устроили судебную расправу над ними. Фил Окс выступал на суде в качестве свидетеля защиты. — Прим. пер.*

Перевела с английского Н. РУДНИЦКАЯ

МИСТЕР ДЖОНС И ЕГО НЕПУТЕВЫЕ ДЕТИ

Ю. КАГРАМАНОВ

Крушение юношеского идеализма в столкновении с жестокой реальностью — сюжет достаточно обычный, многократно в литературе употребленный (об этом стоит помнить, каким бы болезненным нам самим это крушение каждый раз ни казалось). Но то, что периодически возвращается, не должно мешать видеть развитие, видеть то, чего прежде не было. Судьба молодежного движения в Америке (студенческого по преимуществу), возникшего в конце 60-х, не укладывается в рамки, скажем, притчи о блудном сыне или превращений гончаровского младшего Адуева.

Да, факт, что «сцена», где недавно царила пестрая молодежная вольница, уже опустела. («Сцена» — это на студенческом слэнге «любой способ деятельности или времяпрепровождения».) Так вот, «сцена» движения, объединившего «новых левых» и «контркультуру», уже опустела; во всяком случае, она перестала быть массовой, только отдельные группы остались.

Большинство же вчерашних бунтарей как будто бы ретировалось в смысле нравственном, променяв былой максимализм на те или иные места и посты под крылом официальной идеологии и вообще «застегнувшись». «Вернулись к так называемой реальности», — иронически констатировал Джон Леннон, бывший «битл». Будто бы возродились «скучные» пятидесятые годы, духовная диета «эры самодовольства», покойная размеренность добропорядочного буржуазного существования.

И в кампусах будто бы воцарился дух прилежания, «слоняния» и скуки. Новое поколение, занявшее кампусы, пишет слово «Движение» с большой буквы, говорит о нем уважительно, но в прошедшем времени. Хотя старые кумиры еще не позабыты, их уже вытесняют новые: Фила Окса, звонкого певца «Движения», созданного им, и создавшего его, и разрушившегося вместе с ним, Боба Дилана, пусть ушедшего в мистику, но искренне враждебного буржуазности, опережает в «таблицах популярности» Брюс Спрингстин, в чьих песнях, по словам одного из музыкальных критиков, слышен примерно такой подтекст: «Жизнь вокруг далеко не прекрасна, черт возьми, и все-таки давайте лучше прыгнем обратно в старый вагон и — поехали дальше по ухабистой дороге».

Иногда видим в кино такую картину: некий уголок, где недавно еще кипела жизнь, вдруг обезлюдел — это, может быть, к примеру, оставленный жителями город, — и ветер развевает обрывки газет. Ту условную «сцену» можно мысленно представить усеянной ворохами уже пожелтевших газет и журналов «Движения», которые громко именовались «подпольными» и которые проще назвать самодельными — не включенными в систему «большой» прессы. В 1971-м в стране насчитывалось ни много ни мало 700 «подпольных» изданий с общим разовым тиражом около 20 миллионов. Почти все они теперь исчезли (новое поколение, говорят, предпочитает комиксы и кроссворды). Так что теперь это уже история, ее документы. Вот один из них: выходивший в Чикаго на пороге 70-х журнал «Семя» («Seed»). На яркой «психоделической» обложке — два исступленных плясуна и подпись: «Такими вот дикими плясками мы отпразднуем гибель ваших учреждений!» В прошлом году учреждение, контролируемое Рокфеллерами, — «Фонд XX века» — взялось финансировать академическое штудирование «подпольной» прессы. Плясуны подшиты к архиву — памятником «молодежной культуры».

«Взрыв» молодежного протеста продолжает, однако, возбуждать и далеко не академический интерес. О нем пишут, пытаясь осмыслить его — теперь уже в некоторой исторической перспективе, — публицисты разных лагерей, и в их числе те, что выражают с различными нюансами взгляды истэблишмента, то есть имущих слоев (мне кажется, подобный взгляд присущ отчасти и Джону Берендту, автору статьи об Оксе). Или, иначе говоря, «отцов» (хотя Берендт — ровесник «детей», теперь уже постаревших). Ибо хорошо известно, что «Движение» захватило почти исключительно сыновей и дочерей более или менее зажиточных родителей.

Удобства ради вообразим некоего собирательного мистера Джонса, который в «конфликте отцов и детей» олицетворяет со-

бой «отца». Кавычки ставим потому, что речь идет о конфликте социальном, а не внутрисемейном, и совсем не обязательно этот конфликт проявился в отношениях мистера Джонса с его собственными детьми.

Памятно, какой была первоначальная реакция «отцов» на непростительные «чудачества» сбившихся с пути истинного отпрысков. Нежданно-негаданно для них нашелся вдруг мальчик, дерзко заявивший, что «король — голый», и вместе с другими мальчиками отшатнувшийся от постылой буржуазной морали. «Что за тарантул вдруг их всех укусил?» — смятенно вопрошал тогда мистер Джонс. Изумление сменялось крайним раздражением, переходившим подчас в зудящее желание проучить. И проучивали: полиция, когда представлялся случай, весьма жестко обходилась с юными строптивцами, особенно с теми, кто участвовал в антиправительственных, антимилитаристских манифестациях.

Но когда выяснилось, что никакой революции взбунтовавшиеся кампусы совершить не могли и что внешне, по крайней мере, все как-то утряслось, мистер Джонс мало-помалу приободрился. Теперь он предпочитает утверждать, что, в общем-то, ничего страшного и не случилось, и даже, что «все это уже было раньше». Мистицизм «контркультуры»? Он проистекает от некоторых старых религиозных движений Нового и Старого Света (дзен-буддизм, йога, различного рода христианский мистицизм). Анархизм? Позвольте, он же у американцев в крови — со времен первопроходцев, не признававших над собой никакой власти. Утопизм тоже имеет свою традицию на американской земле, достаточно напомнить об утопических коммунах прошлого века. Даже «подпольная пресса» не в новинку, начало ей положил не кто иной, как Бенджамин Франклин своим «Альманахом бедного Ричарда».

Выходит, что «Движение» никаких особых отклонений от традиционного «американизма» не совершало, а переполох случился лишь по недоразумению? Да был ли мальчик?

Конечно, «Движение» не на голом месте возникло; оно вобрало в себя и причудливо перемешало очень разнородные элементы исторического наследия — от революционных до религиозно-консервативных. Американская протестующая молодежь вольно или невольно воспроизвела какие-то идеологические компоненты, уже бывшие, так сказать, в употреблении на протяжении национальной истории. Иначе и быть не могло. Нужны, однако, шоры, какие у мистера Джонса на глазах, чтобы не увидеть в очень широкой по своему масштабу «молодежной революции» беспрецедентное потрясение основ, результат такого «кризиса верхов», какого буржуазия, пожалуй, никогда прежде не знала.

Настолько глубоким было потрясение, что и сейчас едва ли возможно исчислить и измерить все его последствия. Неутихающие пересуды в печати — это тоже свидетельство, что вопрос о судьбе «Движения» продолжает быть животрепещущим. Да и самоуспокоительные рассуждения мистера Джонса, в сущности, попытка заглушить в себе упорный червячок беспокойства.

Идеологи, социологи, культурологи, политологи, педагоги продолжают доискиваться, отчего, собственно, разгорелся сыр-бор и почему затух — и точно ли затух? Немало было говорено (и в нашей печати тоже) о том, что в бунте «детей» в значительной мере повинна принятая (примерно с 40-х годов) в американских зажиточных семьях воспитательная система, поощряющая «вседозволенность» или, по крайней мере, всяческие послабления. От этого, утверждают, выросли юноши и девушки изнеженные и, с другой стороны, распущенные, непрактичные идеалисты и вместе с тем потенциальные вандалы.

Многие американские психологи, однако, указывают, что молодежное бунтарство вскормлено было не столько в детстве, сколько позднее, в возрасте, именуемом переломным. Именно на переходе из более или менее тепличного мира детства в «идеологический универсум» взрослого человека бросилась в глаза — теперь, как никогда прежде, — несостоятельность господствующей идеологии, навязанных ею «правил игры». Но в мире идеологий столько, кажется, путей-дорожек, что выбор перспективной линии поведения для непролетарской молодежи оказывается весьма сложным: требует Знания, требует, образно говоря, Школы. Между тем бунтари искали путей непременно простейших и кратчайших. При этом чуть ли не всякий норовил протоптать «собственную» тропу: один из левацких вожаков хвалился, что не найдется в «Движении» двух молодых людей с одинаковыми взглядами. (Возможно, поэтому парадоксальная на первый взгляд фраза Окса о скуке мирной жизни при ближайшем рассмотрении оказывается не столь противоречивой — вьетнамская война объединяла этих людей с неодинаковыми взглядами в «Движение».)

«В пику стриженым овцам они образовали нацию овец нестриженых» — так зло, иронично написал о пришедших в никуда бунтарях нью-йоркский публицист, настроенный по отношению к ним отнюдь не враждебнс.

Идеологический ералаш в конечном счете и повинен в том, что «Движение» пошло на убыль. А мистер Джонс воспрял духом, когда разглядел, какой у «детей» разброд в головах, — ведь ничто не пугало и не гневило его больше, чем интерес к передовым идеям, к марксизму. Все, что угодно, он мог им простить, только не это! Видя, однако, что интерес к революционной теории странным образом уживается у них с идеологией, если можно так сказать, «немедленного рая», мистер Джонс ухватился за эту последнюю, как за спасательный канат, с помощью которого можно перетянуть заблудших, вернуть их на свою сторону. Ведь он, мистер Джонс, в сущности, совсем не против «немедленного рая» — если, конечно, в определенных рамках. И если понимать под «немедленным раем» всяческие удовольствия, доселе считавшиеся безнравственными, которым он сам подчас предается, только втихомолку.

Вчера еще кипевший от «отцовского» негодования, мистер Джонс вдруг переменился и стал уже заигрывать с «нестрижеными»: ему-де тоже не чужды веяния времени и вполне по вкусу кое-какие приятности «нового стиля жизни». И если говорить о «кое-каких приятностях нового стиля» — весьма сомнительных, а то и прямо дурных и вредных, — то с этой стороны окажется, что «молодежная культура» успешно интегрирована в существующий буржуазный порядок. Карусель общества потребления подхватила и разнесла ее новшества, запустила их в ярмарочный оборот.

Но ведь не на ярмарку же стремились попасть они, было же вначале что-то вроде внезапного прозрения, был порыв, хотя и очень смутный, навстречу чему-то лучшему! Неужели этот душевный импульс погас, выдохся без остатка?

Конечно, нет.

Журнал «Нью-йоркер» в статье о проблемах молодежи, констатировав, что «контркультура выявила в молодых американцах как лучшее, так и худшее», далее делает такое признание: «Все-таки в юношах и девушках, воодушевленных идеей обновления, было что-то необычайно освежающее, подобное прохладному дуновению в душный день, и трудно было не поддаться ощущению, что рано или поздно они одолеют, восторжествуют. И конечно, сколько-то озона осталось в атмосфере общества, которая уже больше никогда не станет прежней».

Остались непримиримые политические противники буржуазного строя, не согласные ни на какой компромисс с этим последним. Для них наступила пора критического осмысления пройденного пути, пора идейного возмужания.

Остались довольно многочисленные хиппи. Загорающие на солнышке, беспомощные и никчемные, «дети цветов» давно уже примелькались, и все же они по сей день пребывают для «отцов» немым укором.

Можно утверждать, что и те из вчерашних бунтарей, кто стал — хотя бы отчасти, хотя бы внешне — конформистами (а таких, как мы знаем, большинство), в чем-то существенном отличаются от «отцов». Разного рода социологические опросы говорят об этом. Нет в них той внутренней «устойчивости», что у «отцов» была связана с верой в незыблемость буржуазного порядка. И наверное, у многих из них в самой глубине души осталось хотя бы чуточку озона.

В самих кампусах осталось нечто, что удерживает от заключения, будто все возвратилось там на круги своя. Течет в них будничная студенческая жизнь с ее будничными интересами и увлечениями (на первом месте — футбол, новое для американцев пристрастие, на втором — пинг-понг), и все-таки мало кто решается утверждать, что пришло на смену бунтарям новое «молчаливое поколение». Авторитет истэблишмента в умах студенческой смены подорван, зато безумства предшественников окружены легендой. Так Фил Окс стал героем мифа. Хотя каких-либо крупных манифестаций или «беспорядков» теперь почти не случается, значительная часть студенчества проявляет «тихое» инакомыслие. Одни предаются религиозно-нравственным поискам, пытаясь таким образом защититься от реальности, не поддающейся, на их взгляд, уразумению и исправлению. Другие — всякого рода «малым делам», вроде устройства так называемых «органических поселений» или бесплатных больниц для бедных и «цветных» и тому подобное (такого рода превратности знакомы нам из русской истории прошлого века: теория и практика «малых дел» пришли на смену общественному подъему 60-х годов).

«Недовольство, подспудное отрицание — все это осталось», — итожит итальянский журнал «Эуропео». Кампусы переводят дыхание — таково мнение многих авторитетов, американских и иностранных. Хэппи-энд — счастливый конец по рецептам голливудских фильмов — не состоялся.

„ПЕСНЯРЫ“ В АМЕРИКЕ

А. ПОЛИКОВСКИЙ

Москва — Вашингтон

К самолету Ил-62 подкатил красно-белый трап.

Пассажиры, стоявшие тесной группой на ноябрьском ветру, потянулись вверх.

Потом: четыре часа лета над маленькой Европой, готичной, барочной игрушкой, укутанной облаками, как ватой; пауза в Париже, и потом: восемь часов над океаном, долгих и мучительных, как болезнь — но будем помнить, что Колумб мучился этой болезнью тридцать три дня, — и потом: в холодном и ясном, как хрусталь, воздухе увидеть редкие береговые огни — Америка, Новый Свет.

Пресса

Что знали американцы о «Песнярах» к той минуте, когда Ил-62, рейс Москва — Париж — Вашингтон, уже шел над побережьем и в аэропорту группу ждали автобус и репортеры?

«Вашингтон пост» опубликовала статью Ларри Рохтера «Русское вторжение на западном фронте рока»; заголовок заставляет заподозрить газету в том, что она берет на должность музыкальных критиков отставных сержантов.

Журнал «Биллборд» опубликовал заметку «Русские идут».

Эта милая бронетанковая терминология ничего не меняла.

Американская пресса не знала, что писать о музыке «Песняров», и пересказывала бюллетень Госконцерта, выпущенный на английском языке. Единственный американец, который до этого слышал «Песняров», был пригласивший их менеджер Сидней Гаррис, «Вашингтон пост» процитировала его: «У них крепкие русские голоса, но какие-то испуганные».

Итак, к американцам ехала русская группа с испуганными голосами.

Вашингтон — Манассас (штат Виргиния)

Ил-62 пролетел над Нью-Йорком, потом пошел вниз, сел и остановился.

Это был Вашингтон, аэропорт имени Д.-Ф. Даллеса.

«Песняры» после восьми часов в воздухе, когда гул двигателей, кажется, остался в ушах навсегда, сошли по трапу один за другим; их уже ждали репортеры.

Репортеры спросили: «Приехали ли с вами девочки-поклонницы?»

Мулявин объяснил, что поклонники и поклонницы ходят на концерты, а с группой никто не ездит.

Репортеры спросили: «Есть ли в СССР наркомания?»

Композитор Игорь Лученок, который приехал вместе с «Песнярами», сказал: «Нет».

Тогда репортеры попросили спеть что-нибудь.

«Песняры» спели «Ой, рано на Ивана» — без аккомпанемента, в воздухе, пронизанном гулом самолетов, и репортерские магнитофоны записали это: высокие, чистые голоса, и гул моторов, и приглушенный шепот, и металлический голос репродукторов.

— О'кэй, о'кэй, — смеясь, говорили репортеры, — но how do you treat the policy of the CP of the USSR? [1]

Поздно вечером автобус отвез «Песняров» в город Манассас под Вашингтоном, где они остановились на ночь в отеле «Холидей инн».

Сеть отелей «Холидей инн» накрыла всю страну, от берега до берега: во всех городах, где должны были состояться концерты «Песняров», их ждали номера «Холидей инн», приятные и уютные на американский манер, то есть там непременно были телевизор и стерильный унитаз.

[1] *Как вы расцениваете политику Коммунистической партии СССР?*

Манассас — Харрисонбург (штат Виргиния)

Наскоро позавтракав, «Песняры» вышли на улицу.

Утро было прохладным, свежим, как стакан газированной воды; в кронах деревьев и на проводах мерзли птицы.

Перед гостиницей стоял длинный красный автобус. На борту автобуса распластался в прыжке желтый леопард, у двери были наклеены американский флажок и табличка: «New Christy Minstrels».

«Нью Кристи Минстрелз»

«NCM» — «Новые Менестрели Кристи» — американская рок-кантри группа; их пластинка «Green, Green» имеет тираж три миллиона экземпляров, их альбомы «Today» и «Rambling» — золотые, их телешоу «Форд Мустанг» смотрит 45 миллионов человек, «Менестрели» первыми среди американских групп побеждают на фестивале в Сан-Ремо, президенты Кеннеди, Джонсон и Никсон приглашают их петь в Белый дом, и в мае 1968 года они поют перед королевой Англии; они гастролируют в Канаде, Японии, Таиланде, ФРГ — но коммерция есть коммерция — и во Вьетнаме, перед американскими солдатами, и в сегрегированных залах ЮАР и Родезии. В 1976 году Сидней Гаррис, менеджер «NCM», организует совместное турне «Менестрелей» и «Песняров» по 11 городам США.

Манассас — Харрисонбург

Автобус мчался по холмам Виргинии, над которыми в холодном воздухе висело солнце, тусклое, как старая монета.

Холмы густо поросли сосновым лесом. Эд Саски, банджист «Нью Кристи», начал знакомство, крикнув: «Czy kto tu mówy po polsku?»

В ответ каждый из «Песняров» выкрикнул все, что знал по-английски.

Никто из «Песняров» по-польски не говорил. Американцы, которые по-польски, кстати, тоже не говорили, знали несколько звукосочетаний, которые, как они полагали, принадлежали русской речи. Разговор поэтому вышел несколько бессвязным, но эмоциональным и без пауз — никто слов не подыскивал; пиком эмоций было страстное и дружеское объятие двух певцов — Мэри-Энн Грейсон, веселой американки, и Анатолия Кашепарова, спокойного и неброского минчанина.

(Когда Анатолий Кашепаров показывал мне фотокарточку «Нью Кристи», он нашел девушку в пестром жакете, белых широких брюках и замшевых сапогах и сказал: «Мэри-Энночка».)

Потом автобус въехал в город Харрисонбург.

Репетиция

Репетиция началась с неприятной неожиданности: аппаратура «Песняров» рассчитана на европейский стандарт и в американские розетки никак не подключалась. Николай Пучинский, звукорежиссер «Песняров», крепкий невысокий мужчина в кожаной куртке мотогонщика, взялся за работу. Через два часа микрофоны ожили и зажглись лампы усилителей — репетиция началась.

Владимир Мулявин долго пробовал аппаратуру — он не хотел никаких случайностей во время концерта.

В зал пришли студенты второго курса местного «Мэдисон колледжа» — они изучают русский; в зале сидели репортеры — Дон Нельсон из «Дейли ньюс», Ларри Рохтер из «Вашингтон пост», Билл Макгвайр из «Голоса Америки», а также телеоператоры фирмы WMAL TV, которые прикидывали, что и как снимать вечером.

Репетиция идет своим чередом. По краю сцены ходит Мулявин. У него нервное, отрешенное лицо и руки, которые не хотят остановиться, пока не кончится музыка, — руки летят вверх так, что кажется, кожаная курточка сейчас лопнет в плечах, руки падают вниз — бессильно или, наоборот, со всей силой отчаяния; когда группа на долю секунды замолкает, колени Мулявина припадочно подгибаются, и он скользит к полу — но с первым тактом он, как камень из рогатки, летит вверх, вздев над безумной артистической лысой головой кулак, сильный и грубый. Мулявин не стоит на месте ни минуты — он дирижирует всем телом; когда группа в конце играет диминуэндо, лицо его становится таким, будто тут, рядом, спит ребенок, и Мулявин, стоя вполоборота к сцене, пальцами одной руки стягивает звук с операторского пульта — как покрывало стягивает; пальцами другой руки он ловит в воздухе ночную бабочку, и вот звук исчезает, и еще несколько секунд Мулявин боится разжать кулак.

Начинается новая вещь — послушаем, что скажет Мулявин в следующие десять минут: «Раз, два, три, четыре! готовы, да? раз... раз... раз... раз... раз, два, три, четыре... Шурик, не слышно тебя, я не знаю, что ты там играешь... там на три голоса! а капелла! пошли... пошли... так он будет петь? а Толя в унисон поет с Лешей! такое впечатление, что хор поет! раз, два, три, четыре... дайте звук! а то как котята, понимаешь... сначала, раз! не прогонять надо вещи, надо делать вещи! та-та-ти-та-дум — вот как он играет! теперь, пожалуйста, все это на два нюанса тише... алло, пожалуйста, ну, что вы стоите? а ты, Шурик, не выхиливай! пошли...»

Тут Мулявину что-то сказал из зала Игорь Лученок, и Мулявин, подняв руку, пошел к краю сцены. Но пианист Гулевич, разгоряченный работой, продолжал ронять в тишину быстрые, изящные аккорды, и Мулявин закричал тогда грубо и властно: «Эй, дайте паузу, алло!»

(Анатолий Кашепаров: «Я сначала пел в группе «Синие гитары». Тогда модно было — синие, голубые, червонные... Ну я там и пел — хрипел и кричал. Там меня Муля и нашел. Это было в январе 1972 года. Муля меня стал учить ПЕТЬ: на народных песнях стал учить — чище, яснее, что ли... А так, как Муля репетицию организует, — это дар надо иметь. К примеру, кто-то тебе показывает, как сыграть или спеть надо, — ну, показывает, так и так, минут за двадцать дойдет. А Муля — он два слова скажет, покажет, и все ясно — за минуту. Муля талант — как музыкант и как организатор».)

Концерт

Зал, вмещающий 1000 человек, был полон. Тут были студенты «Мэдисон колледжа» и жители Харрисонбурга. Концерт начали «Нью Кристи». Они разыгрывали на сцене веселое, шумное, яркое шоу, и главным героем была Американская Жизнь. Они пели печальные, нежные баллады, которые привезли в Америку ирландцы, и смешили зал грубоватыми деревенскими анекдотами, они пускались в пляс и играли на банджо, а потом на сцену выходил Ковбой, гроза всех салунов во всемирной столице Додж-Сити, и, поглаживая ласково перламутровую ручку своего «ремингтона» или там кольта, рассказывал что-нибудь такое:

Там, где божья земля и мужчины —
это мужчины,
он был грозою в Красном ущелье
на аризонском гнедом.

Далее появлялся Джентльмен Джо и делал пакости, но плохо кончал:

...ибо вечером в бар вошел незнакомец
в маске,
а руку держал он в заднем кармане
брюк.

Со смертью Джентльмена Джо в мире наступали счастливые времена:

...и трижды «ура» и да здравствует
звездный флаг!

Потом «Нью Кристи» ушли, на сцене остался только Кёрк Джексон, парень с пшеничными усами, крепкий и спокойный, как фермеры из его родного штата Миссури, и произнес маленькую речь, постепенно повышая голос, так что последнее слово прозвучало раскатом грома: ПЕС-НЬЯ-РЫ!

Вышли «Песняры» — в костюмах, украшенных народной вышивкой, переводчица — американка Надя — рассказала содержание первой песни, и в зале, тихом и внимательном, «Песняры» начали «Ой, рано на Ивана».

Американская музыка

Джаз, кантри и рок — это американская музыка. А что такое белорусская рок-кантри группа? А где это, собственно, Белоруссия? Газета «Локал ньюс», г. Шарлотт, объяснила — на дальнем западе СССР, на границе с Польшей. (Значит, где находится Польша, американцы предполагали.) А что такое белорусская народная песня? Этого никто не знал.

(Владимир Мулявин: «Мы не готовили для Америки специальную программу. Американцы — публика избалованная, они все видели. Мы составили программу так, чтобы они услышали новое, неожиданное. Нам советовали: будьте с ними искренни, и они будут с вами искренни. Я отобрал народные песни. Мы вообще пели тихо, камерно, приглушив аппаратуру, чтобы показать голоса, манеру народного пения. Американцам больше всего нравились лиричные вещи — «Александрина» моя, «Вероника» Игоря... Американцы, в общем-то, народ сентиментальный...»)

Концерт

Пока «Песняры» пели «Ой, рано на Ивана», публика сидела с настороженными, напряженными лицами — такие лица бывают у людей, когда они увидят что-то в первый раз и не знают, как это объяснить. Этот звонкий водопад голосов... это удивительное многоголосие... эта глубокая, пугающая чистота... этот свет и тепло... как это объяснить? Публика вслушивалась, кажется, до боли в ушах, когда «Песняры» играли «Александрину» и «Веронику»... как объяснить эти плавные, грустные мелодии, такие чужие и такие волнующие? После этого «Песняры» вернули зал к его обычному мироощущению, сыграв «Крик птицы» — вещь на английском, джаз-рок-зал заулыбался, заговорил и наградил «Песняров» энергичными аплодисментами. Серьезно и уже без настороженности зал слушал патетическую композицию «Ave Maria»; зал радостно топал ногами в такт, когда «Песняры» играли «Косил Ясь конюшину»; в конце концерта на сцену вышли «Нью Кристи», и обе группы исполнили «Дорогой длинною», или «Those Were the Days», и зал аплодировал стоя.

После концерта состоялась встреча «Песняров» со студентами «Мэдисон колледжа». Игорь Лученок, который вел в Америке дневник, записал о встрече со студентами только одно слово: «Доброжелательно». Студенты испекли большой торт, на котором шоколадным кремом было написано: «Добро пожаловать!» (Я спросил Анатолия Гулевича: «Вкусный был торт?» — «О, — сказал он, смеясь. — О-о!»)

The New Christy Minstrels

Бекли (Западная Виргиния) — Блуфилд (Западная Виргиния) — Моргантон (Северная Каролина)

«Песняры» в Америке! Американцы называли это турне историческим и эпохальным; в Москве, Минске, Киеве, Одессе — везде в СССР, где знали и любили «Песняров», — это турне казалось волнующим экзаменом; но для «Песняров» это была обычная работа, хотя, быть может, и не в совсем обычных условиях. Вернувшись, они неохотно рассказывали о поездке — с некоторым даже удивлением, что людей могут интересовать такие пустяки, как погода и ландшафт, вопросы американских репортеров и отношения с «Нью Кристи»: съездили, сыграли, говорили они, никаких особых неожиданностей не было. Вот когда мы в Одессе играли... И они начинали рассказывать о том, как работали в Одессе, и я понял: для музыканта, который уважает свою музыку и своего слушателя, нет различия между концертным залом в Шривпорте, штат Луизиана, и Воронеже, Воронежская область: работа есть работа.

Когда я приехал в Минск, нашел Мулявина в одной из комнат филармонии и сказал, что буду писать о турне по США, он посмотрел на меня, подергал себя за ус, смотря, как это выглядит в зеркале, и закричал: «Сколько можно о США, сколько можно! Из «Московского комсомольца» приходили, потом — вот недавно — из «Юности» приходили, часовую программу сделали — измусолили, дальше некуда...» Днем позже Мулявин ясно и определенно сказал: «Мы в США ничего не видели — мы целыми днями в автобусе сидели». На уточняющий вопрос, что за город Харрисонбург, Мулявин ответил, что понятия не имеет. В этом не было ни позы, ни грубости — это просто был честный ответ; турне было спланировано так жестко, что каждый час был на счету — вот почему города Бекли, Блуфилд, Моргантон слились в одно. Предоставим слово Игорю Лученку: «2—12—76. Встали в 8.00. Завтрака не было. Стакан чая со сгущенным молоком. В 9.00 поехали. Ехали 4 часа. Горы (небольшие). Устали. Г. Бекли. Днем отдохнули мало (опять «Холидей»). В 17.00 поехали в зал. Концерт. Утром поехали в новый город. Ехали 1—1,5 часа. Разместились. Это город Блуфилд. Я на концерт не пошел. Писал для Сида «Добрый вечер»... и слова «Вероники». Утром поехали дальше».

В Моргантоне, еще одном придорожном городке, «Песняры» и «Нью Кристи» выступали в «Моргантон хай скул», на полутемной сцене — в зале было плохое освещение. Рояль был немного расстроен, но это был уже четвертый концерт, и Гулевич привык, что американские рояли почему-то все, как он вежливо сказал, «средние». Напряжение зала достигло предела, когда «Песняры» играли «Веронику» — это был синтез вдохновения и мастерства, и темный воздух дрожал под крышей в тусклом свете юпитеров, и голос Борткевича был тонким, как нить, хрупким, как лед, и голос Борткевича летел выше и выше, к высотам света и печали, и замирал, и терялся, и оставался на блаженных высотах, и умирал.

Публика — молодые люди в небрежной одежде и пожилые люди в строгих пиджаках, белые и негры — долго хлопали, но в Америке не принято повторять песню на «бис».

После концерта за кулисы к «Песнярам» пришло много людей — так бывало каждый раз: они благодарили, просили дать автограф, хлопали по плечу, пожимали руки, говорили о дружбе между народами и о музыке. К Леониду Борткевичу подошли три женщины — девушка и две немолодые дамы; одна из немолодых дам сказала что-то, а Наташа Ефремова, переводчица из Москвы, перевела: «Вы выглядите как аскетичный монах, и у вас божественный голос».

Пресса

Репортеры, которые работали с «Песнярами», писали о них доброжелательно и с уважением, хотя и чисто по-американски: прежде всего они сообщали, какой у «Песняров» доход. Они писали о музыке «Песняров» с растерянностью — музыка «Песняров» не объяснялась классификацией рока, кантри и джаза — она лежала вне схем, вне привычных музыкальных категорий. «К сожалению, они не будут в Нью-Йорке», — писал Дон Нельсон в «Дейли ньюс» 3 декабря, когда «Песняры» только начали турне.

Только один Ларри Рохтер из «Вашингтон пост» писал недоброжелательно: «Власти решили, что наступило время для «Песняров» играть в Америке, на родине рок-н-ролла...» «Итак, силюсь увидеть, проявят ли американцы такой же интерес к советскому рок-н-роллу, какой они проявляют к советской водке...» «Я думаю над тем, кто из них агент КГБ», — говорит мне американский студент».

Какие власти? Какая водка? Какое КГБ?

Ларри Рохтер устами студентов называет агентов КГБ: это Леонид Боровский, директор «Песняров», и Григорий Шнейдерман, рабочий сцены. «Они отличаются от других по одной причине: Мулявин и остальные музыканты носят длинные волосы и хиповую одежду, а Боровский одет в деловой костюм и носит короткую стрижку».

Ларри Рохтер долго пишет о материальном положении «Песняров», при этом создается впечатление, что речь идет о заезжих спекулянтах или в лучшем случае о бизнесменах, производящих рыбные консервы.

Знал ли Ларри Рохтер, что «Песняры» — музыкальный коллектив?

Шарлотт (Северная Каролина)

Только в час ночи шофер автобуса Билл Броули затормозил у очередного отеля «Холидей инн». Это был город Шарлотт; здесь «Песняры» должны были провести день отдыха, 5 декабря.

День начался как обычно — с пресс-конференции. Пресс-конференция состоялась в комнате отдыха отеля. «Песняры» сидели за длинным столом и пили кофе из маленьких чашечек; репортеры стояли или сидели рядом, включив магнитофоны и приготовив фотоаппараты.

Вопрос: Какая у вас в СССР зарплата?

Ответ (Мулявин): Мы получаем 200 рублей в месяц. Мы получаем 33 рубля за концерт и 3 процента от каждой проданной пластинки... но не это главное. Мы чувствуем заботу нашего правительства, которое создало нам все условия для успешной работы, — нам покупают аппаратуру и костюмы, организуют гастроли. Если кто-то уйдет из группы, он получит гарантированную работу в другом коллективе — может быть, не таком популярном, как наш, с меньшей зарплатой, но безработным он не останется.

Вопрос: Какие группы и солисты вам нравятся?

Ответ (Кашепаров): Поль Маккартни, «Карпентерз», «Доорз», «Лед Зеппелин», «Урия Гип».

Ответ (Гулевич): Рик Вейкман, Эрол Гарнер, Оскар Питерсен.

Ответ (Мулявин): Мы работаем вместе семь лет и стараемся избежать влияния других групп. Мне нравится «Чикаго».

Вопрос: Какая разница между советским зрителем и американским?

Ответ: Вообще-то, эта серия концертов не отличается от тех, что мы даем дома, в маленьких городах. Советский зритель более внимателен, американский — более эмоционален.

День в Шарлотте прошел быстро и весело. Сначала «Песняры» поиграли в американский футбол на лужайке у отеля — репортеры стояли рядом и смотрели на игру с серьезными лицами, так, будто это был финал Суперкубка; потом состоялась прогулка по городу, причем репортеры забегали вперед и ослепляли всех блицами; тогда их вежливо попросили не так стараться, потому что люди все-таки отдыхают, и они вежливо согласились и перестали фотографировать, как «Песняры» щупают джинсовую ткань.

Вечером «Песняры» устроили дружеский прием для «Нью Кристи». На стол поставили самовар и пили много чая. Американцы спрашивали, как «Песняры» собрались вместе, с чего начали, и просили Игоря Лученка рассказать, как он ездил за фолькло-

ром с Мулявиным, а потом Паула Десмонд, негритянка из «Нью Кристи», спросила, как в СССР относятся к тому, если негритянка — артистка.

Было 5 декабря — День Советской Конституции.

Пауле Десмонд рассказали про Советскую Конституцию.

Поздно вечером все стали расходиться; на улицах Шарлотта на витрины уже опустили жалюзи. Каждому американцу перед уходом вручили по бутылке русской водки, по баночке черной икры, а также подарили обе пластинки «Песняров».

Гастония (Северная Каролина) — Спартанбург (Южная Каролина) — Роум (Джорджия) — Кларксвилл (Теннесси)

Красный автобус с леопардом снова помчался по шоссе; снова оставались сзади белые, чистые американские городки, похожие один на другой, как два холодильника. В Гастонии зал был на 1300 человек. Сюда приехали телеоператоры канадского телевидения — снимать часовую программу о «Песнярах». Потом был Спартанбург, «Мемориал Аудиториум» на 2000 человек; после концерта обе группы опять собрались вместе, в номере-картинке «Холидей инн», чтобы отпраздновать день рождения шофера Билла. Билл Броули был шофер автобусной фирмы «Грейхаунд», которая обещает вам покой и безопасность в своих автобусах от Нью-Йорка до Сан-Франциско; это был сухой, подтянутый мужчина средних лет в серой форме «Грейхаунд» и в форменной фуражке. Он ездил осторожно, без лихачества, как всякий профессионал. На день рождения купили торт. Разговор зашел о классовых понятиях, которые не совсем были ясны американцам. Игорь Лученок объяснил, что Билл Броули — пролетарий; он также объяснил, что значит пролетарская солидарность и пролетарское государство. Американцы пили чай, ели торт и с интересом слушали.

Запись Игоря Лученка: «Потом поехали. Штат, кажется, Джорджия. Город Роум (точно — посмотреть)».

«Штат, кажется, Джорджия»; в этом «кажется» — усталость от пестрого, ярмарочного мелькания чужой жизни; в этом «точно — посмотреть» — неотличимость американских городов. Анатолий Кашепаров рассказывал: «Ну, эти «Нью Кристи» — хорошие ребята, простые такие... они все время экономили. Там у них манера такая, что ли, — деньги копить... Там в этих городках все поголовно на колесах, там пешком как-то странно, неудобно, что ли... Мы там раз чудака одного видели... он пешком шел... так это смех вызывает. Они там все очень... торопятся».

В Минске на улицах бабушки в белых халатах, одетых на тулупчик, неспешно торгуют с лотка горячими пирожками и ватрушками и говорят каждому: «На здоровье тебе, сынок».

Итак, был штат Джорджия; был штат Теннесси, где «Песняры» дали концерт в Кларксвилле, и день в Нэшвилле, где «Песняры» восемь часов провели в студии грамзаписи фирмы «Коламбия».

«Добро пожаловать, «Нью Кристи Минстрелз» и русская фолк-группа» — эти плакаты висели на фронтонах концертных залов городков Манассас, Харрисонбург и так далее... Фотографию этого плаката (мы даем ее на стр. 18), фото репетиции «Песняров», а также два «официальных» снимка участников турне — все они сделаны американскими корреспондентами — предоставил редакции руководитель «Песняров» Владимир Мулявин.

Нэшвилл (Теннесси)

В Нэшвилле, столице народной музыки, студии фирмы «Коламбия» занимают целый квартал; в студии, где работали «Песняры», обычно записывается группа «Blood, Sweat and Tears». «Песняры» записали одну сторону для совместного диска с «Нью Кристи Минстрелз» и записали три песни для сорокапятки — эти маленькие пластинки крутят в дискотеках и на их основе составляют хит-парады; эти три песни — потенциальные хиты.

В студии, где ковры гасят каждый шаг или неосторожно-громкое слово, были слышны энергичные аплодисменты — это хлопали журналисты и инженеры, после того как обе группы исполнили песню «Расцвела сирень-черемуха в саду», причем американцы пели:

Oh, we live in separate worlds, we know that this is true.
But music is like love because it always can get through.
Music speaks to each of us in every distant land,
Melodies and harmonies will help us understand,

что в переводе на русский значило:

О, мы живем в разных мирах, и это правда.
Но музыка — как любовь, поэтому она может проникнуть всюду.
Музыка говорит с каждым из нас в любой далекой стране.
Эти мелодии и гармонии помогут нам понять друг друга.

Шривпорт (Луизиана)

Улицы Шривпорта купались в синем и красном свете ночной рекламы; ветер срывал со стен последние промокшие лохмотья предвыборных плакатов; в витринах вспыхивали рождественские лампочки; Игорь Лученок записал: «Машины, огни, дороги... поехали на концерт».

Последняя песня на американской земле: вступление, в котором в снежной пелене долго звучал колокольчик, и немного глухой голос Мулявина, от которого становилось холодно и хотелось плакать: «Дорогой длинною... погодой лунною...»; взрыв веселых и сильных голосов «Нью Кристи» — «Those Were the Days!» — «Вот это были дни!» Это были дни, когда они вместе проехали 2500 миль и дали вместе 11 концертов перед 15 тысячами американцев, — и теперь, впервые за последние две недели, они пели эту песню по-разному: «Нью Кристи Минстрелз» оставались, «Песняры» уезжали.

Шривпорт — Вашингтон — Москва

В аэропорту Сидней Гаррис сказал: «Мы благодарны вам. Через полгода ваша пластинка будет первой в США». У Сиднея Гарриса больше не было слов, и он встал перед «Песнярами» на колени в зале ожидания аэропорта города Шривпорт.

Из Шривпорта «Песняры» прилетели в Вашингтон; через девять часов они были в Москве. В Москве шел снег, и на улицах пахло елками; в каждой витрине уже стоял Дед Мороз в красном тулупе и с белой ватной бородой. В чемоданах у «Песняров» лежал последний американский подарок — пластинка «Нью Кристи Минстрелз» — «Рождество с «Кристи».

В конце этого года «Песняров» снова приглашают в США: на этот раз на три месяца.

ВЫ СПРАШИВАЛИ

НЕЛЕГКАЯ МУЗЫКА «РЭГГЕЙ»

«Рэггей» — модная сейчас музыка. Ритм четкий, мелодии приятные, к текстам, танцуя, можно и не прислушиваться — в общем, обычная «дискотечная» музыка.

«Рэггей», однако, музыка политическая: она родилась на Ямайке как естественный протест против культурного империализма американской индустрии песни и навязываемых поп-стандартов. И хотя в Европе и Америке о политическом содержании «рэггей» посетители дискотек не задумываются, но на Ямайке о нем не забыли. Драматическим подтверждением этого стало недавнее покушение на одного из популярнейших певцов Боба Марлея (его вы видите на снимке). Две пули ему, пять его менеджеру — за то, что Марлей «накладывает» на четкий танцевальный ритм весьма четкие тексты. Боб Марлей чаще поет не в дискотеках, а на площадях, где проходят политические митинги. Поет о безработице, что гонит его соотечественников искать счастья за морями (именно они привезли столь популярный теперь «рэггей» в Европу), о том, что счастья там не сыскать, и о том, что жизнь на самой Ямайке надо бы переделать так, чтобы она была больше приспособлена для жизни.

ПЕСНИ МАМЫ

«В последнее время в музыкальной прессе стали появляться упреки в том, что я отошла от прямых политических выступлений, что мой последний альбом «Ветры с залива» — слишком личный и что я вообще стала «мамочкой», — сказала интервьюировавшим ее корреспондентам известная американская певица Джоан Баэз. — Но моя главная тема сейчас — сын Габриэль. Думаю, матери меня поймут».

Дав это интервью, «мамочка» Джоан Баэз отправилась в очередное турне по США с песнями протеста против растущих расходов на вооружение.

ЛИБЕРАЛЫ. Великий Дракон — глава ку-клукс-клана в штате Индиана — объявил, что его организация не осталась глуха к «борьбе за права человека». Прежде в ряды погромщиков могли вступать только «стопроцентные американцы» — белые граждане мужского пола. Теперь ку-клукс-клан готов предоставить свои балахоны также и женщинам.

СТАТИСТИКА. Датский совет по вопросам народонаселения озабочен не только падением рождаемости в стране. Данные переписи свидетельствуют, что почти 40 процентов датчан носят одинаковые фамилии (наиболее распространенные — Нильсен и Ольсен). Это создает большие трудности при выяснении, о каком Нильсене или Ольсене идет речь. В этой связи совет рекомендует датчанам менять фамилии и имена. Единственное условие: не подавать заявок на такие имена, как Юлий Цезарь, Наполеон Бонапарт и Брижжит Бардо. Их уже успели получить несколько сот первых счастливчиков.

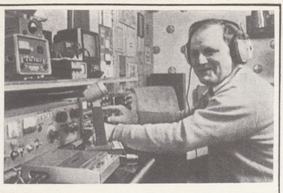
ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ ВЕСЕН

У этого человека нет возраста. Как нет его у Дон Кихота или Тиля Уленшпигеля. Происходит это потому, что реальный человек — Чарлз Спенсер Чаплин — слился в нашем восприятии с экранным образом Чарли. А Чарли навсегда остался в молодости — молодости века, молодости кинематографа, молодости нескольких поколений людей, которых он заставил смеяться. До слез.

Чарли не говорил, потому что кино в его время было немым. Чарлз Чаплин говорил очень редко, потому что «любит думать про себя, а когда все продумано, говорить уже ни к чему». Молчит он и в любительском фильме, который показывали по телевидению многих стран Западной Европы этой весной: 16 апреля сего года Чаплину исполнилось 88 лет. Чарли снимали для большого экрана, для других. Домашний фильм сняла жена Чарлза Чаплина, Уна, — для себя, для близких. На этих кадрах запечатлена жизнь Чарли дома — последнюю четверть века он живет в Швейцарии на берегу Женевского озера. Вдали от кино.

Экранный Чарли, смешной и простодушный в своих попытках подделаться под жизнь большого города, никогда не шел на сделку со Злом. Чарлз Чаплин, человек улыбчивый и добрый, был тверд и бескомпромиссен по отношению к диктаторам — в мундирах или судейских мантиях. 24 года назад этот самый известный в мире актер и режиссер, «мистер Кино», оставил Америку, где создал почти все свои фильмы. Маккартисты, выискивавшие подрывной элемент везде и всюду, объявили его «красным».

И вот Чарлз Чаплин, оставивший кинематограф, «мир вымысла ради живой жизни», вновь на экране. А фильм, снятый Уной о Чарлзе, их восьми детях и внуках, может быть назван «История любви Чаплинов».

АЛЛО! ВАС ПОДСЛУШИВАЮТ

Этот человек — радиолюбитель из тихого городка Виссен (ФРГ) Бруно фон Войски. Оказавшись без работы, он с головой ушел в изобретательство на дому. Вскоре всех знакомых он потешал пересказом радиотелефонных разговоров между людьми из правительства, полиции, делового мира. И вскоре же часть его аппаратуры и магнитофонные записи были похищены. Обратившись за помощью в полицию, Войски простодушно поведал о своем хобби. Поскольку до сих пор почтовое ведомство уверяло всех, что радиотелефон так же надежен, как и обычный кабельный, поднялся переполох. Оказалось, что подслушивать разговоры могут не только тайные службы (этому в ФРГ давно не удивляются), но и достаточно смышленые непрофессионалы, среди которых почему бы не быть и профессионалам-гангстерам? А что же Войски? Из соображений порядочности он отказался смонтировать заново и передать полиции свое изобретение. И превратился из потерпевшего в обвиняемого. Его привлекли к суду.

«ЦЕЗАРЬ» ДЛЯ АННИ

1500 специалистов по кино единодушно решили, что она лучшая французская актриса года, миллионы зрителей уже давно убеждены, что она непревзойденна. Зрители свою любовь высказывают переполненными залами на фильмах с ее участием, киноведы свое признание выразили, вручив ей «Цезаря». («Цезарь» — небольшая бронзовая статуэтка, младший, по времени рождения, брат американского «Оскара», не имеет никакого отношения к римскому императору и имя получил от скульптора — своего создателя.) «Цезаря» Анни Жирардо вручили за последние ее работы — в том числе фильмы «Старая дева» и «Доктор Франсуаза Гайян», которые недавно прошли по советским экранам. «Если бы Жирардо не было, ее нужно было бы выдумать: без нее невозможно сегодняшнее кино Франции, — писали газеты. — Она, может быть, единственная кинозвезда Франции, которой зритель всегда и безусловно верит».

КТО НА СВЕТЕ ВСЕХ МИЛЕЕ?

Зеркальце подобающих случаю размеров отвечает: «Ты прекрасней всех на свете». Во всяком случае, прекрасней всех во Франции. Только что диктор, не тая восхищения, объявил пропорции новой «звезды»: окружность груди 234 см, ширина бедра 46 см, а вес 934 кг. Пятилетняя Ялина обошла всех конкуренток на конкурсе, проводившемся недавно в Париже у Версальских ворот. Лавровый венок, который Ялина успела пожевать, хозяин унес за кулисы.

Французский журнал «Пари-матч», опубликовавший этот снимок, обратился к победительнице другого конкурса — к «мисс Домашняя хозяйка» (ее пропорции тоже приводятся в статье). Обратился с вопросом: понравилась ли ей процедура избрания коровьей «звезды»? Ответ был таков: процедуры на всех конкурсах одинаковы. Но коров чаще кормят и не заставляют столько улыбаться.

СЕМЕЙНЫЕ ДЕЛА. Это, конечно, хорошо, когда у человека много родственников. С одной стороны. С другой стороны, родственникам тоже хорошо, когда у них есть один — главный. Таким главным для своих родственников стал великий американский писатель Эрнест Хемингуэй. Одна внучка писателя, Маржо, — она манекенщица — рекламирует платья из натурального шелка под девизом «Для фиесты». Другая внучка, Джоан, дает в журнале «Эсквайр» рецепты блюд, что подавались в доме деда на Кубе (рецепты обычные, главное — под чьим именем их в журнале подать). А брату писателя правительство США даже позволило основать на маленьком рифе в Карибском море свою собственную республику — Новую Атлантиду. Республика (в ней шесть граждан — друзей основателя) имеет свой флаг, герб, гимн и президента. Хемингуэя. Лестера.

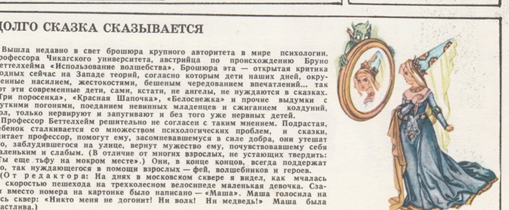

ДОЛГО СКАЗКА СКАЗЫВАЕТСЯ

Вышла недавно в свет брошюра крупного авторитета в мире психологии, профессора Чикагского университета, австрийца по происхождению Бруно Беттелхейма «Использование волшебства». Брошюра эта — открытая критика модных сейчас на Западе теорий, согласно которым дети наших дней, окруженные насилием, жестокостями, бешеным чередованием впечатлений... так вот эти современные дети, сами, кстати, не ангелы, не нуждаются в сказках. «Три поросенка», «Красная Шапочка», «Белоснежка» и прочие выдумки с жуткими погонями, поеданием невинных младенцев и сжиганием колдуний, мол, только нервируют и запугивают и без того уже нервных детей.

Профессор Беттелхейм решительно не согласен с таким мнением. Подрастая, ребенок сталкивается со множеством психологических проблем, и сказки, считает профессор, помогут ему, засомневавшемуся в силе добра, они утешат его, заблудившегося на улице, вернут мужество ему, почувствовавшему себя маленьким и слабым. (В отличие от многих взрослых, не устающих твердить: «Ты еще тьфу на мокром месте».) Они, в конце концов, всегда поддержат его, так нуждающегося в помощи взрослых — фей, волшебников и героев.

(От редактора: На днях в московском сквере я видел, как мчалась со скоростью пешехода на трехколесном велосипеде маленькая девочка. Сзади вместо номера на картонке было написано — «Маша». Маша голосила на весь сквер: «Никто меня не догонит! Ни волк! Ни медведь!» Маша была счастлива.)

ДЕВУШКА И МУЗЫКА

Рассказ

Андре МОРУА,
французский писатель

Мимо меня прошла молодая девушка, которая хочет нравиться всем на свете: вот почему она всегда приходит сюда одна — на свидание с чарующей музыкой. Она берет билет в кресла балкона у пожилой дамы, сидящей у входа, и исчезает в шумной толпе.

Я сажусь на место и осматриваю зал. Я ищу ее. Куда ни глянь, всюду томные, мечтательные девичьи профили, — а вот и она, прямо передо мною, затянутая в скромное черное платье. Я разглядываю ее и как будто читаю ее мысли.

МЫСЛИ МАЛЕНЬКОЙ ЖЕНЩИНЫ, СЛУШАЮЩЕЙ МУЗЫКУ:

Я красива: мое платье идет мне. Все-таки ни один цвет не сравнится с черным и белым. Мой сосед слева уставился на меня, но — увы! — он стар! Мой сосед справа пожирает меня глазами, но на нем галстук в красную и зеленую полоску — фи!

Почему я хожу на эти концерты? Я ведь даже не знаю, люблю ли я музыку. Правда, иногда музыка приятна, а некоторые мелодии просто очаровательны.

Но то, что я слышу сейчас, мне решительно непонятно: что за дьявольское мяуканье издает вон тот шумный инструмент? Ну вот, теперь весь оркестр взревел и загрохотал — настоящий бедлам, но мяуканье все равно отчетливо слышно. Посмотрим-ка программку... «Жизнь героя» господина Штрауса. Ага! Так это герой мяукал? Первый скрипач просто душка. Хоть бы он на меня посмотрел, я бы мигом утешилась от этой музыки, — но нет, — он прилип к своей скрипке и заботливо и нежно извлекает из нее героя господина Штрауса.

Россыпь острых, пронзительных звуков, от которых мороз по коже... Это, верно, враги героя. И мои тоже: они просто невыносимы. Господи, какая скука... Кажется, я сейчас прелестно выгляжу — кроткая мадонна, склонившая в задумчивости голову... Ну отчего же на меня никто не смотрит?! Ах нет, один смотрит. Вон тот молодой человек с балкона напротив. Хорош ли он собой? Или урод? Ничего нельзя сказать наверное — он слишком далеко сидит, да и темновато здесь. Но он просто обязан быть красивым, раз смотрит на меня!

О, помилуйте, можно ли быть таким настойчивым, он же не спускает с меня глаз! Смешно, я его почти не различаю в полумраке, но знаю, что он смотрит именно на меня! Это просто дерзость с его стороны, — можно любоваться женщиной, но сверлить ее взглядом... Надо резко отвернуть голову — пусть знает, что мне он неприятен.

Вот уже целых пять минут я созерцаю загадочные взмахи руки господина Шевильяра. Неинтересно и скучно до одури. Теперь, пожалуй, пора уже обвести зал рассеянным взглядом и посмотреть, что там мой молодой человек.

А молодой человек все так же смотрит прямо мне в глаза. Право, я сегодня хороша, как никогда, — недаром же из всех женщин, сидящих в зале, он выбрал именно меня. Но какая несносная назойливость! Прощайте, мосье! Всю свою оставшуюся жизнь я намерена не отры-

ДОЧЬ ФАНТОЦЦИ НА КОНКУРСЕ КРАСОТЫ

Рассказ

Паоло ВИЛЛАДЖИО,
итальянский писатель

В воскресенье Фантоцци повел свою дочь Марианджелу на конкурс красоты. Сам-то он этого вовсе не хотел, да и его жена, синьора Пина, была против. Девочка еще мала, ей только исполнилось одиннадцать, и вообще они не одобряли этой затеи. Но сослуживцы очень настаивали, и отказаться у Фантоцци просто не хватило характера.

Дело было так: в учреждении, где работал Фантоцци, объявили конкурс на самого красивого ребенка. Первая премия — недельный отдых в Сан-Мартино-ди-Кастроцца с одним из родителей (гостиница третьей категории), вторая — велосипед марки «Грациелла», третья — подписка на журнал «Христианская семья». Многие коллеги считали первую премию лакомым куском и наперебой расписывали Фантоцци, как прекрасен Сан-Мартино-ди-Кастроцца, особенно в солнечную погоду.

Марианджела ростом не вышла, глаза у нее навыкате, зубы редкие и острые, нос крупный да и цвет лица желтоватый. Она решительно некрасива. Но для Фантоцци и Пины их единственная дочь — свет в окошке, для них прекраснее Марианджелы нет девочки в мире. К конкурсу семейство готовилось очень тщательно. Правда, на новое платье синьора Пина тратиться не хотела, но отец души в дочери не чаял и настоял на своем, так что в субботу все трое отправились в «Ринашенте».

— Скажите, пожалуйста, где отдел детской одежды? — робко спросил Фантоцци у входа.

— Второй этаж. Поднимайтесь на эскалаторе! — диктаторским тоном бросила девица из справочного бюро.

Около получаса все трое безуспешно пытались взобраться по эскалатору, который шел вниз. Видя, что самой Марианджеле с лестницей не справиться и что она вот-вот снова очутится на нижней ступеньке, Фантоцци посадил ее себе на плечо и отчаянно ринулся вверх. Синьора Пина не выдержала, сдалась и съехала на первый этаж. Тем временем целая толпа зевак с нескрываемым любопытством следила за происходящим. Стоило Фантоцци споткнуться, как раздались смешки. Он успел забросить Марианджелу на второй этаж, а сам, распластавшись на ступеньках, медленно поехал вниз. Синьора Пина, мужественно, не говоря ни слова, помогла ему подняться. Чтобы перевести дух и унять сердцебиение, Фантоцци ухватился за колонну. Когда он пришел в себя, они с женой нашли наконец нужный эскалатор и поднялись на второй этаж. Но Марианджелы нигде не было! Пришлось попросить, чтобы сделали объявление по радио. В конце концов ее нашли: она сидела в мусорном ящике и плакала.

Продавец в отделе детской одежды встретил их слащавой улыбкой:

— Вам для кого платьице, для этой милой крошки? Сколько тебе лет, деточка? Годика три?

Рис. А. Бабановского

вать глаз от волшебной руки господина Шевильяра!

Я хороша собой, я хороша, хороша! У меня глаза как у египетских статуй. Я сижу в кресле в такой же величественно-спокойной позе, как Сара[1] в роли византийской императрицы. Я просто неотразима.

Что они собираются играть? «Послеполуденный отдых фавна». Прекрасно, я буду слушать его абсолютно невозмутимо и ни разу больше не взгляну на моего настойчивого и наивного влюбленного. Я пришла сюда слушать музыку, да-да, мой пасторальный Клитандр[2], а вовсе не для того, чтобы переглядываться с вами, так и запомните!

Скрипки мешают мне думать, — закрыть, что ли, глаза? Я лежу в траве, на берегу ручья. Летняя жара усыпляет все кругом. Я лежу, и травинки над моей головой сплетаются на фоне голубого неба, и непонятно, то ли это тонкие стебельки, то ли ветви деревьев. В этой всеобъемлющей тишине любой звук кажется непрошеным. Гимн лета разливается в воздухе, теряя на лету обрывки мелодий, трепещущие, как лепестки, как живые солнечные зайчики на темной листве.

Ах, как хорошо! Как хорошо лежать на горячей траве под убаюкивающую песнь скрипок, сплетенную из трех легких ноток. Но вот дунул прохладный ветерок, и лес мигом проснулся. Шаги по мху... Зашептались листья, затанцевали солнечные зайчики... Кто-то, кого я люблю, смотрит на меня из-за сумрачных елей. Может, это Клитандр? Или фавн? Ах нет, это герой романа, любезный, красивый, стройный, как статуя, это он мелькает там, за деревьями, и никто иной...

Воздух становится душным. Знойную песнь лета напевают скрипки, — смуглый фавн, деревья, танцы на мшистой земле, все погружается в дрему под тихое журчание ручья. Жарко.., жарко... и так тихо, что слышно, как шуршат солнечные зайчики, бегая по темной стене сомкнувшихся деревьев. И где-то едва различимо прозвенел колокольчик...

Боже! Что это?! Что за грохот?! Аплодисменты, пора открывать глаза. Какая жалость! Только что под сомкнутыми веками передо мною бежал ручеек, шелестела трава, белела маленькая затерянная церковь, и вдруг — мужчины в черном, пестро разодетые дамы. Фу, как это глупо — аплодировать музыке! Стали бы они аплодировать, если бы, как и я, увидели лес, фавна, Клитандра и теплый мох.

О боже, я же совсем забыла про Клитандра! Ну-ка, что с ним, где он, этот настойчивый нахал? Представляю, как он разглядывал меня, пока я была погружена в музыку, он, верно, совсем отчаялся встретиться со мной глазами.

Ну-ну, не огорчайтесь, мой юный фавн, сейчас я на вас взгляну, но только не сразу, не сразу! Сперва оглядим рассеянным взором несколько десятков лысых черепов, на которых играет свет люстры, переведем взгляд на балкон, поизучаем минутку старую даму с гладкими бандо на щеках — его соседку. А теперь трепещите, Клитандр, вот они, мои глаза!

Ай, что это?! Он смотрит в другую сторону?! Но отчего он так хитро улыбается?!

Боже, в десяти шагах от меня сидит смуглая, точно закопченная, девица, смотрит на него и тоже улыбается, вот бесстыжая! А он-то хорош! Неотесанный болван, — эта дурочка вполне ему под стать! А я-то... господи, только бы не расплакаться!

Опять этот оркестр! Нет, эта музыка просто невыносима! Да-да, я знаю, что это Бетховен! Ну и что с того, что Бетховен?! Музыканты кривляются как обезьяны, арфист чистит ногти, барабанщик вдохновенно уставился в пустоту. В конце концов, что такое музыка, если, слушая ее, не о ком думать?!

Симфония, слава богу, кончилась, и я убегаю. Хватит с меня этих бездельников, которые собираются в кучу и сидят, разинув рты, в ожидании, когда вместе с музыкой на них снизойдет священный трепет. Да пусть они им подавятся, этим трепетом!

Вот с такими мыслями и удаляется с концерта молодая девушка, которая хочет нравиться всем на свете. И все-таки она пришла сюда послушать музыку. Ну да, она любит музыку, но при всем том она женщина, а потому и музыку, и все остальное она отдает на жестокий суд своего изменчивого женского естества.

Перевела с французского
Ирина ВОЛЕВИЧ

---

[1] *Сара Бернар — знаменитая французская актриса. — Прим. пер.*

[2] *Клитандр — герой-любовник в пасторальных пьесах. — Прим. пер.*

— Одиннадцать, — мрачно поправил Фантоцци.

— Ах вот как! — заулыбался продавец и потной рукой потрепал Марианджелу по щеке. Родители заспорили, какое платье выбрать: синьора Пина хотела, чтобы оно было бордовое, строгого фасона, Фантоцци предпочитал что-нибудь антиконформистское, в стиле битников. Он настоял на своем, и Марианджеле купили... матросский костюмчик со свистком на шнурке.

В воскресенье утром Фантоцци отвел дочь в парикмахерскую в их же доме и с интересом пронаблюдал, как ей делали начес.

После обеда они отправились в театр «Фрескобальди», где проходил конкурс. Там уже собралось около трехсот ребят: на сцене суетились родители и организаторы конкурса. Динамик надрывался, призывая родителей оставить своих детей в покое и спуститься в партер. Марианджеле прикололи на рукав бирку с номером 100.

Фантоцци из толпы родителей махал руками, стараясь привлечь внимание дочки, но та, испуганная и ослепленная прожекторами, не замечала его.

— Марианджела, выше голову! — громко подбадривал он ее из глубины зала, на него шикали.

Дети по одному проходили перед столом жюри и потом собирались в кучку на другом конце сцены.

После того как прошел 95-й номер, в зал ввалилась шумная компания из «великосветского общества». Они собирались провести воскресный вечер на вилле своих друзей, но одна очень красивая, элегантно одетая блондинка, которой попалась на глаза афиша насчет «красивых детей», предложила «ради смеха» заскочить в театр «Фрескобальди».

— Через одного дойдет очередь до Марианджелы, — сказал Фантоцци жене. У него даже руки вспотели от волнения.

«Высшее общество» (у них почему-то дети всегда белокурые и очень красивые, как у бельгийской принцессы Паолы) расположилось за его спиной.

— Марианджела Фантоцци! Номер сто! — объявил динамик.

У Фантоцци оборвалось сердце.

— Сотого нет — сбежал в туалет! — выкрикнул самый «бедный» из компании богачей, которому именно поэтому надлежало быть самым злым и самым остроумным.

Зрительный зал взорвался от хохота. Марианджела замерла посреди сцены. Кто-то из ложи крикнул: «Да это не девчонка, а настоящая обезьяна!» Хохот и крики стали еще громче.

— Чита, Чита, держи...

С галерки в Марианджелу швырнули пригоршней арахиса. Кожура от банана угодила прямо в ее новенькую матросскую шапочку.

— Синьоры, успокойтесь! — взывал динамик.

Наступила тишина. Фантоцци решительно ринулся сквозь толпу. Он поднялся на сцену, взял девочку за руку и медленно повел ее через зал к выходу. Люди расступались и теперь смотрели на него с уважением. Когда Фантоцци с дочерью подошел к бархатной портьере, прикрывавшей дверь, все зааплодировали.

Он сел за руль и даже не заметил, что заново покрашенное крыло машины оцарапано.

Последние лучи солнца осветили мышино-серые волосы Марианджелы. «Какая красивая у меня дочь!» — подумал Фантоцци.

Перевела с итальянского
Е. МОЛОЧКОВСКАЯ

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.

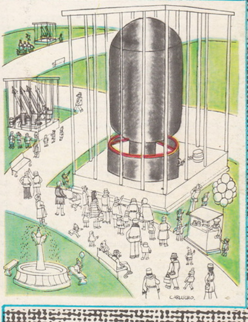

Сдано в набор 18/V 1977 г. Подп. к печ. 22/VI 1977 г. А05074. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3. (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,7. Тираж 470 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 886.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

1

2

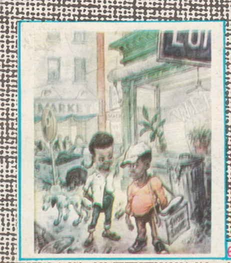

3

«...Наша новая Конституция со всей убедительностью покажет, что первое государство победившего социализма навсегда начертало на своем знамени слово «Мир» как высший принцип своей внешней политики», — сказал в докладе на Пленуме ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. Москва — частый свидетель крупных международных событий, направленных на упрочение мира. Международная выставка «Сатира в борьбе за мир», девиз которой «Остановить гонку вооружений, сделать международную разрядку необратимой!», состоялась тоже в Москве и привлекла художников из 25 стран. С некоторыми из 600 произведений, представленных на выставке, вы можете познакомиться на этой странице. 1. А. Меосарош, (Венгрия). «Европа». 2. Р. Беспятов, Г. Филатов (СССР). «Сохраним планету Земля». 3. Карлучио (Куба, серебряная медаль). «Без слов». 4. А. Фомин (СССР). «Напрасные усилия». 5. Х. Тосиаки (Япония). «Говорите свободно». 6. О. Харингтон (США, золотая медаль). «Без слов». 7. А. Байер-Ред (ГДР, золотая медаль). «Роль Пиночета».

4

5

6

7

Цена 25 коп. Индекс 70781